

Лука
Ттичкин

Мелкотравчатая
Гвб

Лука Птичкин

Мелкотравчатая явь

«Издательские решения»

Птичкин Л. С.

Мелкотравчатая явь / Л. С. Птичкин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-748058-5

Роман уникален тем, что он глубоко субъективен, в нём детально и образно рассматривается внутренний мир запутавшегося и самодеструктивного представителя студенчества так называемого «поколения 2007-го». Не надо верить главному герою. Он довольно саморазрушительный, остро чувствующий юноша, одинокий в своей странной проблеме, которую, может быть, просто выдумал. Что вообще с ним и с миром вокруг него происходит, предстоит разобраться только читателю.

ISBN 978-5-44-748058-5

© Птичкин Л. С.
© Издательские решения

Содержание

Лето #1	7
Осень #1	16
Зима #1	22
Весна #1	42
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Мелкотравчатая явь

Лука Сергеевич Птичкин

© Лука Сергеевич Птичкин, 2016

© Андрей Сергеевич Шапеев, иллюстрации, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Лето #1

Я тихо прошмыгнул в коридор, а затем, на улицу. Хотя, быть может, это мне лишь кажется, что я вышел тихо. Ведь чтобы оказаться снаружи, нужно было во-первых, надеть кенгуруху, во-вторых, открыть дверь, в-третьих, закрыть ее так, чтобы она не открылась сквозняком: закрепить ее джинсовой панамой. Все это нужно было сделать осторожно. Малейший скрип – и кое-кто проснется. Но я, как назло, и первое, и второе, и третье сделал громко. Вдобавок ко всему, я споткнулся о свои кроссовки. И не первый раз уже пожалел, что неправильно их поставил.

Все в нашей жизни требует порядка... даже месторасположение кроссовок.

Но, так или иначе, я оказался на улице. Тишина и покой. Короткая давно асфальтированная улица уходила вдаль, постепенно переходя в песок, а затем и в небо. Причем так плавно, что и придраться не к чему. Третий час ночи, а где-то далеко светит солнце и его лучи даже сюда добираются. Странное чувство возникает, когда с непривычки попадаешь за полярный круг. Солнце светит круглые сутки. Оно делает дугу днем, а, начиная с вечера и до утра, оно... как бы это сказать... в закате. Хотя, *закат* – и неверное словечко для *этого*, но по другому-то и не скажешь.

Так или иначе, я наблюдал именно закат.

Я достал сигарету и прошуршал табаком над ухом. Звук – точно рядом по тюли ползет жук. Но ни тюли, ни жука рядом не обнаруживалось. Я закурил.

Спать не хотелось. Трудно в такие минуты сказать, чего тебе хочется. Вернее было бы сказать – я делал то, что мне хотелось. Стоял, курил и слушал эту тишину. Еще думал о чем-то. Думал о том, что все хорошо, но чего-то все же не хватает. Наверное, моей подруги, девушки... уж не знаю, как ее называть. Как бы ни говорил, всегда кого-то обижу. Скажу «подруга», – обижу ее саму, скажу «девушка» – обижу друзей. Может, это лишь мои предрассудки, но у меня всегда с этим проблемы. Короче, в жизни лучше называть ее просто по имени. Только что посмотрел «Шоу Трумэна» и отходил от впечатления.

Видел это кино и раньше, да только фрагментами.

Когда докурил, подумал: ведь должно же быть кино про меня... И если оно есть, то какое оно? Вернее, каков я?

Я, конечно, понимаю, что я таков, каким сам себя вижу, но ведь этим же все не ограничивается. Всегда хочется узнать мнение окружающих. А посмотреть на себя со стороны я бы не отказался.

Я вздохнул, и аккуратно вернулся назад. Кое-кто, даже если и проснулся, то не подал виду, а лишь перевернулся на другой бок.

* * * *

Я лежал в мокрой от пота постели и видел у себя в душе Безграничный Океан. Да, он так и назывался. Безграничный. Наверное, у него должна была быть граница: береговая линия, к примеру. Однако это суша ограничивается Океаном, а не он – ей. Всю мою жизнь меня преследует образ Океана. Точнее, некоего его побережья. Однажды он так крепко вцепился в меня, и по сей день не отпускает, что я уже стал думать, что у меня есть связь с другим миром.

Однако, это все бред. Никакой связи нет. Нет никакой двери в моей голове, нет окна, нет щели, нет даже собачьей дверцы, нет ничего, что могло бы как-то связать меня с другим миром. Но есть фантазия. И, вероятно, она создала с удивительной четкостью образ берега с мысом, кустарниками, маяком и с тем самым Безграничным Океаном. Все это жутко напо-

минало какую-то романтическую мелодраму. Но все же, было приятно даже от ощущения, что где-то в голове, или в душе, если она есть, – свой клочок земли и океана.

О причине возникновения этого образа я не задумывался. И, скорее всего, правильно делал. Просто однажды нафантазировал себе его, еще в детстве, да и все.

Особое место среди всего, что было на том берегу, занимал, само собой, маяк. Старый такой маяк.

Там жила женщина. Я это знал, но никогда к ней не заходил. Как-то времени не было, да и я не знал, что ей сказать.

– Здравствуйте. Как поживаете?

– Ничего – так себе. А Вы, простите, кто? – спросит она, не снимая дверной цепи.

– Я – творец этого мира...

Идиотизм. Так или иначе, я никогда к ней не заходил. Времени не было, да и не очень хотелось. Снаружи видел, как она выходит из маяка по делам, возвращается. Включает ночью маяк и ложится спать. Иногда к ней приходят разные люди. Примерно раз в месяц приходит почтальон, примерно раз в неделю приходит подруга, или сестра, примерно раз в неделю приходит рыжий мужчина. Но это уже не мое дело.

Она высокая, астеник по телосложению, на голове – почти всегда – волосы, собранные в пучок. Ходит преимущественно в грязно-желтой юбке до земли, в коричневой кофте из шелка. В общем, судя по всему, она привыкла к своей жизни и ни на что не жалуется.

Такой вот он, мой одинокий мир, – вслух подумал я.

И все же уснул, спустя полчаса с тех пор, как лег.

* * * *

Так или иначе, а мой мир рушился. Не весь, конечно, но приличная его часть. И это было предрешиено. В одно солнечное утро приехали машины. Я посмотрел *туда*. Маяк еще стоял, на прежнем месте, как ни в чем ни бывало. Он был похож на ни в чем не повинного холостяка, к которому пришла милиция, чтобы задержать.

Вот, открывает он дверь на призывы «откройте, милиция!». И, пока он рассеянно оглядывает людей в форме, те ему и говорят, мол, проследуйте в отделение. Почему холостяка? Не знаю. Просто это слово пришло быстрее других.

Вот и маяк так же. Машины помахали гигантскими чугунными гирями, снесли его. Пыль покрыла все вокруг. И уже вслепую бульдозер снес в Океан и остатки фундамента. Машины еще чуть повозились и убралась восвояси. Пыль осела на дно Океана к мелким рыбешкам, моллюскам и крабам. Остался лишь мыс и воспоминания. Теперь – ни женщины-смотрительницы, ничего. Время механических маяков улетучилось, вслед за ним пришло время маяков автоматических. Эти стальные скелеты-роботы шарят своим единственным глазом-прожектором по линии горизонта, и им практически не нужна забота людей. Эти холодные монстры выполняют свою работу, как надо, но, кроме этого, их ничего не интересует. И людям от них тоже ничего, кроме их работы, не надо.

На этом мысе, наверняка, скоро установят такой же.

И все.

Больше никаких почтальонов, подруг, сестер, и рыжеволосых коренастых мужчин.

Раз в месяц или в два здесь будет только механик и его гаечный ключ, которым он будет подкручивать гайки, развинтившиеся от качания этой стальной хреновины на ветру, смазывать машинным маслом подвижные соединения.

Ну и пусть. Лично мой маяк мертв.

* * * *

Наутро я проснулся в совершенно мерзком настроении. Вернее, я не проснулся, а меня разбудили. Нагло выскоблили меня из моего сна, словно присохшие сливки со дна стакана, где был кофе. Присохшими сливками себя никому чувствовать не нравится.

Звонил телефон. Звонил много раз. Я поднялся и пополз к нему. Седьмой гудок, восьмой. Я снял трубку и приложил ее к уху. Пустота. Нет, не тишина, а именно – пустота. Сплошной гудок. И больше ничего.

Это же надо так издеваться! Этот чертов кусок пластмассы всегда так: каждый раз, когда раздумываешь – брать трубку или не брать, через силу подходишь и все же отвечаешь – на том конце ее кладут. Это же надо!

Я тяжело вздохнул. Так, словно всю ночь чистил дорогу деревянной лопатой в снегопад. Снег все падал, падал, а я все чистил, чистил. Пока расчистил одну сторону двора, другая – уже в сугробах. И так всю ночь...

Но снега вчера не было, сейчас – середина июля, а деревянной лопаты я в жизни в руках не держал. Я мирно спал. Неважно как, плохо или хорошо, я просто спал. Я даже сна не помню. Может, мне действительно всю ночь снились сугробы и лопата, которой я их разгребал? Поэтому я так устал?

Я надел футболку и штаны и вышел в подъезд. Вытянул сигарету из пачки LM, прикурил от зажигалки, вдохнул, а затем и выпустил дым.

Не сказать, что меня привлекает LM, просто в магазинчике этого занюханного поселка не было ни того, что я курю обычно, не было даже того, что я курю в крайнем случае. Только LM. Ха... занюханный поселок... а ведь это моя родина. Кто бы другой сказал, что мой поселок занюханный – я бы сильно обиделся на него, а, может быть, и разлился бы. А сам скажу, или здешние скажут – выходит, вроде, как нечто само собой разумеющееся.

Курить сейчас не модно, подумал я. Как ни крути, мода на сигареты кончилась еще в девяностые. Те, кому за тридцать лет, курят по старой памяти. Тогда зачем курю я? Привык, что ли? Да. А может, и нравится.

Я бросил думать о причине моего курения, со вкусом делая очередную затяжку. Бросил думать об этом так же, как и о том, почему я проснулся таким уставшим.

Что-то в моей жизни определено не так. И снесенный маяк – лишь следствие этого.

О чем-то еще хотел подумать, но забыл о чем. Вернувшись, в квартиру, съел бутерброд с семгой и запил ячменным кофе, глядя в окно.

На улице было относительно тепло для здешних мест. Пели птицы. Солнце ползло вверх, по своей привычной траектории. Облака кое-где устилали небо. Из форточки пахло летом.

«Денек будет солнечным», – помыслил я.

Я включил радио, пошарил по средним волнам – какая-то отечественная попса на одной, drum and base – на другой, телеканал «Культура», еще что-то. Как бы то ни было, слушать по радио было абсолютно нечего. И, в противостояние кому-то или чему-то, оставил «Культуру». Сначала я жевал следующий бутерброд под анонсы театральных постановок, затем под начавшийся фильм. Фильм был про Дворцовые Перевороты. Документальный.

Все мысли куда-то улетучились. Дожевав бутерброд, я выключил радио.

Кухню заполнила приятная тишина, хотя внутри меня ничего приятного не было – ни в голове, ни в солнечном сплетении. Я залпом допил кофе.

* * * *

Я долго еще горевал по снесенному маяку, но на место его смерти мне возвращаться не хотелось. Нужно было искать ту искру жизни, которую оставил он после своей смерти и раз-

дуть ее до пламени если и не прежнего, то хотя бы какого-то. Пусто жить мне не хотелось. К тому же, не факт, что все искры жизни не потухли.

Но, желая хоть на некоторое время отвлечься от таких мучительных мыслей, я сосредоточился на фильме, который показывали по странному каналу «Кино-показ». Да, он так и называется. И там сутками крутили одни фильмы. Разные фильмы, хаотично, без сортировки. Могут, например, показать сначала комедию «Дуплекс», а за ним сразу «Сонную лощину». И все без рекламы. Я не знаю, как там у них на телевидении все устроено, но одно я знаю точно: чтобы зарабатывать, нужно что-то рекламировать. На что живет этот канал, я представляю с трудом. Вероятно, он чисто кабельный.

А сейчас шел фильм «Город грехов». Жестокий такой. Настолько нереальный, что кажется реальным. Трудно объяснить. То ли я сильно проникся настроением фильма и поэтому мне показалось, что в жизни – как там, то ли наоборот, в фильме – как в жизни. И от этой аналогии становилось страшно. Это как стать свидетелем жестокого ДТП: вроде знал и до него, что такое бывает, а как увидел – так сразу понял, как же все страшно на самом деле, что есть всегда хлеще того, что ты видел. Как сказал Квайгон Джим из первого эпизода «Звездных Войн»: «всегда найдется рыба крупнее». Так и есть.

Дальше размышлять на эту тему нет смысла, подумал я, сейчас пойдут мысли о сознании, подсознании, бессознательном. Затем я вспомню, как мы это все проходили на первом курсе. Вспомнятся одногруппники, всякие случаи. А мне все это вспоминать не хотелось.

Мои одинокие несвязные мысли прервал сигнал сообщения на телефоне. Мой хороший знакомый предлагал мне сегодня прогуляться и попить пива. Заняться было особо нечем, кроме того, чтобы думать и думать до одурения. Но именно на это у меня не было сил. И я согласился на семь вечера.

Неизвестно, куда делся мой день, но его не стало. Пришло семь часов. Так же, как приходит старость, если судить по тому, что говорят. Хотя я лично сужу лишь по тому, как внезапно мне стукнуло сначала пятнадцать, затем шестнадцать, семнадцать, восемнадцать... Время – очень сомнительная вещь, если его можно назвать вещью. На него никогда не нужно рассчитывать. Лишь на себя.

Так или иначе, а о маяке я не рассказал своему знакомому. Слишком уж это личное. Да и он не поймет.

Мы пили пиво, опираясь на перила возле Дома Офицеров, и говорили о вассерманах. Да, это нарицательное имя в нашей повседневной бестолковой болтовне. Изначально оно пошло от Анатолия Вассермана, журналиста и политического деятеля. Уж не знаю точно, связан он со значением, коим мы наделяли его фамилию или же нет, но так или иначе у нас это слово обозначало человека с отсутствием сексуального опыта.

Ну и вот мой знакомый жаловался мне, что он вассерман. Я слушал его мысли вслух. Мне не то, чтобы не нравилось, о чем он говорит, или нравилось. Больше всего в его «душеизлиянии» раздражало то, что после каждой фразы он спрашивал моего мнения.

Я мычал в ответ что-то невразумительное, а когда он надоел мне своим нытьем, неожиданно для себя грубо ответил ему:

– Да не останешься ты вассерманом! Задолбал!

Он как ни в чем не бывало, продолжил.

– Правильно, ведь Вассерману пофигу, что он вассерман, а мне нет. – Он задумался. – Значит, я уже не вассерман!

Я вздохнул и тихо произнес:

– Нет, не вассерман. Вассерман один. Это Анатолий.

И весь диалог был примерно такого характера.

Когда я был вассерманом, я об этом молчал. Я не считал нужным кому-то что-то объяснять или кого-то что-то расспрашивать. А если спрашивали, уходил от ответа. Так было проще.

Зачем кому-то знать о моей личной жизни. Я думал моя жизнь резко изменится, если у меня будет сексуальный опыт. Я ошибался. Когда я перестал быть вассерманом, мир не перевернулся. Даже не покосился. Ровным счетом ничего не изменилось.

А знакомый мне завидовал. Хотя завидовать тут абсолютно нечему. Я понимаю, каждый хочет внимания или... чего бы там ни было. Этого у моего знакомого не было. Он был совсем один. Да он, я видел явно, не делал ничегошеньки, чтобы получить то, о чем грезит. Но все равно мне было противно, что он завидует именно мне, а не людям, которые достойны большего внимания на этот счет, нежели я.

Была у него одна мечта... купить телевизор за 39 990 рублей. Поэтому он устроился на работу. Глупая такая мечта. Бестолковая. Люди просто наполнены такими мечтами. А я привык грезить нереально. Наверное, это мои грезы бестолковы и глупы... Хотя судить не берусь.

* * * *

Разошлись мы в десять вечера. Прошедший день был пуст, как моя голова и желудок.

Я выкурил сигарету, стоя на крыльце с кашей бессвязных мыслей в голове. С каждой затяжкой сигарета приятно хрустывала. И от этого хруста на душе становилось немного теплее. А облака табачного дыма, выдыхаемого мной, неслись ветром в сторону и разрезались надвое подъездными перилами.

Я зашел домой, поужинал останками спагетти с сыром и говядиной. Включил телевизор. Проклиная пульт с залипающими кнопками, полистал каналы.

Новости. Медведев. Министры. Ярмарка в честь какого-то праздника то ли в Калужской, то ли в какой-то еще области. В США сумасшедшая мамаша сбросила с семнадцатого этажа своих детей. Снова Медведев. Обострение ситуации на границе России с Грузией. Назревание конфликта. Ученые установили, что животные видят сны. Израиль и Россия – страны-братья...

Братья? Может, сестры? Страна – женский род.

Неизвестный фильм. Скорее всего, мыло. Какой-то сериал. Девушка из 80-х давит слезу на плече у парня-истукана, по-видимому, тоже из 80-х. Реклама порошка, за ней реклама пива.

К счастью или нет, но все, что происходило на экране, не имело ко мне ни малейшего отношения.

Казалось, мир наполняют миллионы несвязных друг с другом вещей и событий. Затем показалось, что эти вещи и события так и стремятся вытеснить друг друга с лица Земли. И вытесняют. Компания по производству порошка считает себя важнее фармацевтической, и наоборот. Все равно после использования продукции и того, и другого производителей, остается просто мусор.

Новости никогда не классифицируют как надо. За репортажем с поля боя следует репортаж о пуде героина, выловленного в Миссисипи. Все требует порядка, но порядка не существует. Мы живем в мире людей, а не в мире ЭВМ.

Я громко зевнул, секунд на десять. Просто утомили мысли, и я захотел спать. Не выспался сегодня, должно быть. лягу, да и буду дрыхнуть, не видя снов. Как безмозглый червь. Буду пускать слюни на простыню и сопеть носом. Эх, как все надоело!

Что-то в моей жизни определено не так...

Когда все кажется чертовски ничтожным, ничего не остается, кроме как лечь в постель и забыться. Сделать так, чтобы ничего вокруг тебя не существовало, кроме забвенья.

* * * *

И все же я нашел в себе смелость взглянуть на место гибели маяка. Утес, чайки, океан. Никакого маяка, точно его тут никогда и не было. Опять приехали машины с оборудованием.

Снова вспахали траву. Замесили землю вдоль и поперек. Что-то будут строить. У меня нехорошее чувство. Нечто вроде страха, неизвестно откуда взявшегося и чем обосновывающегося.

Лечу над линией берега. Волны разбиваются о бесконечные скалы и утесы. Пасмурное небо над головой, но дождь никак не пойдет. Здесь, по-видимому, и не было дождя. Земля сухая. Напряжение растет. Голова становится тяжелой. В воздухе парит. Душно. Дождь должен быть. Его не может не быть.

Где теперь та женщина и ее жизнь, подумал я. Наверняка растворилась в повседневности без угрызения совести. Работает и живет теперь, скорее всего, в городишке неподалеку. Да и мне это неважно.

Все, что мне было здесь дорого – маяк – лежит на дне Океана пылью и осколками, зарастающими водорослями. Сделалось так больно, что захотелось плакать. Прямо во сне.

Что мне заменит маяк?..

Я пролетаю над городом Безименни. Меня заставляет остановиться шестиэтажная электростанция. Здание, как и полагается, выглядит

по-индустриальному: коричневые тусклые давно не крашенные стены, маленькие окна под потолком. Наверху – огромный винт, уходящий стволом в шестой этаж и выходящий с другой стороны, заканчиваясь набалдашником. По-видимому, для уравнивания винта. Шестой этаж покрывает полупрозрачная крыша из стекла и металлической сетки, через которую замечаю огромный генератор.

Винт быстро вращается то ли от ветра с Океана, то ли еще от чего-то неведомого мне. Генератор, как положено, вырабатывает энергию. Она по проводам бежит ко всем домам. Чисто и практически безопасно.

От пятого этажа отходит мост к другому индустриальному строению. Мост подпирается снизу деревянными сваями, упирающимися в землю по обе стороны от реки Подвоздушной. В реке крутится огромное колесо. В помещении первого этажа стоит еще один генератор.

Я решаю устроиться здесь на работу, если есть места. Мой настоящий мир сейчас меня как-то мало интересует. Да и вообще, если нет в реальной жизни того, чего я жду, почему бы иногда не пожить в придуманной?

Я приземляюсь на мост и материализуюсь без малейших колебаний. Хотя знаю, что затем снова стать Взглядом я не смогу. Лишь пройдя определенный круг, я могу сделаться им снова. Но я сделал выбор.

Я тут же ощущаю этот мир, с его запахами, ветром, видом и жителями. Стоя на мосту, я чую запах ржавого железа. Он исходит от мельницы. Захожу внутрь, отворяя двумя руками тяжелую скрипящую дверь.

– Кто здесь? – говорит наперебой шуму и спохватывается человек, сидящий на стуле напротив огромного генератора, проходящего до вершины шестого этажа и чуть ли не упирается в крышу. Генератор трясется и работает. Весь город работает от этой электростанции.

Человек курит сигарету темно-синего цвета. Я не видел таких сигарет, но их цвет идеально гармонирует с желто-красным угольком на их конце. Странно, что компании Реального мира не делают таких сигарет.

– Я – создатель этого мира. Слыхали о таком?

– Слыхали, слышали... Как же не слышать! Любой мир кем-то создан. Я – Куражир. Смотрю за работой генератора, нажимаю на кнопки, смазываю детали, заменяю детали... Такова моя работа.

Куражир – шатен, у которого проблескивает седина. Он гладко выбрит и весьма аккуратен. На вид ему лет пятьдесят. Он протягивает мне руку. И мы приветствуем друг друга.

– Так что тебя сюда привело? – Спрашивает он, кряхтя.

– Мой маяк разрушен. Я ищу... как бы это сказать... нечто подобное.

– Ну, тогда ты сделал правильный выбор. Ведь во всей округе ты не отыщешь ничего более подходящего. Тогда что именно тебе нужно здесь? Ты ведь не зря материализовался, без цели. Это тот маяк, что, должно быть, стоял на мысе Доминик?

Я понятия не имею, как называется тот мыс.

– Да, наверное. – Отвечаю я. – Я ищу работу.

Куражир меня не слушает.

– Слышишь, как гудит?

– Обычно гудит.

– Не-ет... – Растягивает он. – Необычно. В том-то и дело. Гудит он неисправно. Это микропроводник №4 барахлит. Надо его смазать. Ну, так зачем ты здесь?

Он встает, идет, прихрамывая к полкам, берет масленку, заходит за генератор, не вынимая сигарету изо рта, копошится в проводке, достает металлический цилиндр, смазывает аккуратно и скрупулезно, и ставит обратно в генератор. Я терпеливо жду, когда он закончит, чтобы услышать меня.

– Ты садись, если хочешь. – Он берет по пути от генератора стул, ставит его неподалеку от своего и садится сам.

– Я постою. Я здесь, потому что ищу работу.

– А... работу? – Он затягивается, выпускает дым в потолок и тушит сигарету в стеклянной банке. Последние клубы дыма исходят от окурка и растворяются в промасленном воздухе. – Ну что же, спускайся вниз, там поговори с Рчедлой. Она кладовщица и, по совместительству, заведующая отделом кадров.

– Спасибо.

Я удивляюсь этой пустой тратой времени. Жизнь здесь, очевидно, еще более размерена, чем моя.

* * * *

И проснулся в странном, впрочем, для меня теперь обычном, состоянии. Во рту у себя обнаружил какие-то волосы. Перевернулся на другой бок, перетерпевая жгучее желание отлить и поплевался. Когда перевернулся, стало вроде даже легче. Подумал о волосах во рту. «Волосы во рту... Опять спал калачиком!», – как сказал мне один друг, Зе. Вспомнил, как прошедшей осенью, когда поступил в университет, одноклассница по имени Яна заявила, что терпеть не может любую растительность на лице.

– То есть, для тебя в принципе все равно, что усы, что борода? – Спросил я ее.

– Ну, вроде того.

– Ясно.

Тогда я невольно посмотрел ей подмышку. Яна была в розовой майке, и в подмышках у нее колосился густой волосистой покров. В тот день я решил, что правильно делаю, что ращу бороду.

Я перевернулся на другой бок и желание отлить снова на миг отпустило, а затем снова схватило прямо за...

Какая разница, хоть проваляйся так весь день, мир от этого лучше не станет. Я сходил облегчиться, попил воды и снова лег в теплую постель.

...До сих пор не люблю ее, эту Яну. Если говоришь о своих предпочтениях относительно бороды, то хотя бы побрей или, в крайнем случае, подстриги подмышки, – думал я тогда, сидя в первый и, надеялся я, в последний раз с ней за одной партой.

Бесполезные, безвольные мысли... Я встал, оделся, покурил, позавтракал, выпил кофе, включил телевизор. Посмотрел какой-то клип по MTV, который тут же вьелся мне в мозг, и я начисто забыл лица исполнителей. Лишь гнусный ритм стучал по голове чугунной сковородой.

Мир полон ненужных для меня вещей. А что же касается того, что мне все-таки нужно, то тут вариантов не много. Мне сейчас нужна была банка пива и вдохновение. Пожалуй, больше ничего.

Выключил телевизор и уставился в окно. День и деревья. Замечательный день для того, чтобы шевелились деревья. Отличные деревья для того, чтобы день был именно такой вот: как мои сны, непосредственный и сонный.

Газ в зажигалке никак не хотел выходить наружу, и я прикурил от спичек. Распахнул окно в своей комнате, в которой отрубил все 11 лет школы. Школа же вспоминается мною как Ад. Не знаю, почему, но как только мне говорят про Ад, я представляю коридоры своей школы, по полу которых текут реки лавы и освещают все вокруг янтарным ярким светом. Кругом бесы-школьники, а Дьявол – парень по фамилии Я***..., который издевался надо мной довольно продолжительное время и учился в параллельном классе.

Наоборот – та же история: как только кто-то говорит о школе, я представляю Преисподнюю. Ерунда какая-то. Хаос. Как в школе, так и в голове. Однако, в каждом хаосе есть свой порядок. Это я как-то усвоил. Как – не припомню.

Туммм—туммм—туммм—ту-ту-ту – стучал в голове попсовый ритм.

Мост... океан... электростанция... генератор... Куражир... микропроводник №4... Я, наверное, схожу с ума, но мне все это даже нравится...

* * * *

Я встряхнул голову от воспоминаний, как собака от воды. Только воспоминания – не вода. От них так просто не отделаешься. И я стал напевать забытую мною песню группы Седьмая Раса про чертовы облака, про выцветшие глаза, волосы и как всегда про смерть. Но прямых ассоциаций она не вызвала. И хвала небесам за это.

– Вот некоторое играют в карты на раздевание. Интересно, на что нудисты играют? – Спросил меня однажды мой знакомый...

Хватит вспоминать! Моя задача заключалась в освобождении от них, но без них – никак.

Не помню, как я провел этот день, в каком состоянии, но он куда-то делся. Вечером я встретился с одной знакомой. Купил себе пиво, ей – шоколадный батончик. Говорили об искусстве и незаметно перешли на ее проблему.

– Я не найду себе никого. – Говорила она.

– Ну ты же говорила, секс только с любимым. Ладно бы дело ограничивалось этим. Так еще и после свадьбы. – Закуривая, скучно промямлил я.

– Значит, буду одна.

Я ее не понимал в плане секса. Ей стукнула двадцатка, а взгляды с двенадцати лет не поменялись ни на йоту. Естественно, такое мнение я не разделял. Думаю, может, когда-нибудь она поймет меня. А вот интересно, а я – ее пойму? Кругом все такие одинокие...

– Я смирилась со своей ничтожностью.

– Угу. – Затянулся я сигаретой и выпустил дым себе под ноги тонкой струйкой.

В душе я смеялся над ней. Хотя она действительно мучила себя по-страшному, думая, что ее мучают обстоятельства. Ее постоянно предавали или забывали, но я подозреваю, что она многое сама для этого делала.

Перед подъездом, возвращаясь домой, я выкурил сигарету, наблюдая за желто-синим великолепием заката, что раскинулось между двумя домами. Поистине невероятное зрелище, когда теплые багрово-желтые лучи освещают все вокруг. Дома, деревья, убитый асфальт, меня. Как будто я вдруг попал на Марс, такое чувство. Уж больно красное солнце. Тучи были словно нарисованными и неподвижными. Вечер был красив и бессмысленен.

Придя домой, я съел слегка остекленевшие спагетти по-домашнему и сел в своей комнате на кровать, чтобы их переварить. Не то, чтобы для этого нужно специально как-то сесть и всерьез этим заняться. Я просто сидел и представлял как они перевариваются у меня во чреве. Это сопровождалось его довольным ворчанием.

Вот месиво из муки и масла комком в желудке обволакивается Аш-хлором и Натрий-о-ашем... обволакивается желтой маслянистой жидкостью и тает, впитываясь в стенки желудка...

Наконец, посчитав, что достаточно напереваривался, и все нужные вещества попали в кровь, а ненужные пошли дальше, я встал, разделся и лег в постель.

Пытался читать Стендаля, но строчки не согласовывались между собой. И, решив, что сегодня я слишком туп для чтения, лег спать.

* * * *

Моя работа, данная мне Рчедлой, заключается в отборе хороших деталей и плохих. Хотя, известно, что хорошее и плохое – категории глубоко относительные. Вот поэтому моя работа имела философский характер. Первый день меня старались сильно не загружать и давали холодное пиво на обед вместе с супом и кашей с мясом, котлетой или колбасой. И поэтому после обеда я отбирал детали еще лучше. «Лучше» носит тоже весьма относительный характер. И, таким образом, моя работа являлась дважды философской.

И вот так я отбираю детали. Хорошими деталями в моем восприятии являются не потерянные, не слишком старые. Вот главные критерии. А имеют ли они брак, или нет – уже не мое дело. Я выполняю работу в соответствии со своей индивидуальностью, а как там кто воспримет – решать не мне. Многие из этих деталей я в глаза не видел, но все равно работаю. Некоторые упрекают меня в профессиональной некомпетентности, а я на это отвечаю:

– У меня же нет образования в отличие от вас...

– Ааа... – отвечают они.

Вот бы так было в реальной жизни, думаю я, и стараюсь работать лучше.

С другой стороны, я не хотел, чтобы так было в реальности, ведь в жизни детали нужно знать, чтобы их отбирать. Ну, по крайней мере, в большинстве случаев.

Недавно я познакомился с персоналом электростанции. И с одним товарищем, Бьюфордом, и милой девушкой Рчедлой мы уже достаточно близко общаемся.

В этом мире я не курю. Все-таки, идеальному «Я» курить не пропишешь. Зато мое идеальное «Я» пьет пиво, хотя ему этого тоже не рекомендуется. Как ни крути, абсолютного идеала не существует даже в пределах одного разума. Даже для самого себя. Человека всегда хвалят, мол, он царь природы, он может все, никакой компьютер не способен передать сложность человека и тому подобная дребедень. Но на самом-то деле? Да, человек настолько сложное существо, что сам не способен осознать свою сложность, не говоря уж о компьютерах, которые сделаны им же. Человек однако, настолько же несовершенен, как и сложен. И может он далеко не все. Даже себя понять как надо – и то не способен.

А надо ли?

Осень #1

...То была последняя моя встреча с моим миром. С тех пор много воды утекло. Казалось бы, прошло всего три месяца, а так все изменилось. То есть, и не изменилось, и изменилось одновременно. Как-то трудно сказать. Свои чувства я стал больше закапывать вглубь себя, а они лезли все равно, причем уже в форме мыслей. Это как зарыть зерна в землю в попытке забыть, а они будут давать все новые и новые ростки. Глупо так и обидно. Обидно за свои чувства. Они не должны подавляться мыслями. А по-другому и не получалось. Чем больше я чувствовал, тем больше об этом думал, а чем больше думал – тем больше унижал чувства, подавлял их, и они гасли, как гаснет в дождь костер, который пытаешься развести.

С этим я справляться не мог. И от этого страдал. Мир был колоритен, но тускл. Много разного рода событий и впечатлений хороших, плохих, только очень слабо воспринимаемых.

22:56 – горели цифры на экране дешевого, но родного мобильного телефона. Я стоял под деревом у входа в профилакторий и пытался получать удовольствие от курения. Затягивался, выдыхал. А дым из-за сильного ветра растворялся в воздухе, едва только выйдя изо рта, поэтому особой радости от этого занятия я не получал. Даже не замечал, как делаю затяжки. Просто автоматически курил и все тут. Зачем курил, не понимал. Даже думалось не так хорошо, как раньше в минуты курения. Но все равно это делал. И какого лешего я уделяю этому так много внимания?

Я стоял, медленно переминаясь с ноги на ногу. Как качается фонарь. И чувствовал себя фонарем. Только я никому не свечу. И от понимания этой данности становилось паршиво. Обидно, фонарю до фонаря, что он светит, а мне не до фонаря, а я не свечу.

Мало-помалу начинало создаваться впечатление, что я смотрю на мир как... через дно пластикового стаканчика с какой-то жидкостью. Причем, что за жидкость я пью – пиво, лимонад, воду или компот меня совершенно не волнует, потому что этого я не знаю. А просто пью, пью... и рассматриваю все вокруг через это дно с штампом изготовителя, скажем, «Интеко». Естественно, изображение искажается, а элементы размываются. Удивительно, как я вообще что-либо различаю. Да и надпись на донце видно мне в зеркальном виде. Посторонний человек посмотрит и скажет «ИНТЕКО». А я вижу «ОКЕТНН». И как ни крути стаканчик, для меня это всегда будет ОКЕТНН. И, самое странное, меня это устраивает. Пусть они спорят со мной, пусть говорят, что хотят, а я их не пойму полностью. ОКЕТНН, а не ИНТЕКО. Буквы, вроде, те же, а слова разные... Таким Макаром я и «понимаю» других людей. Таким же образом я и стараюсь им сочувствовать, да только толку от этого мало. Слова разные.

И вот всю жизнь я пью какую-то жидкость из этого стаканчика. Чувствую своеобразный вкус. Только что – понять не могу.

Какая-то видимая только мне чайка крикнула слышимым только мне голосом слово «рай». На самом деле это был скрип двери. Вышла вахтерша в белом халате и что-то сказала мне.

– Что? – переспросил я.

– Заходим! Уже одиннадцать. – Повторила она.

Я втоптал окурок в землю, превращая его в бумажно-ватно-табачное крошево, и зашел внутрь.

Идя по коридору к своей комнате, я думал: «чайки в действительности всегда кричат слово „рай“. Может, они знают, что это такое?»

Я усмехнулся начавшемуся бреду и стал заниматься своими привычными, бесполезными и бесславными делами, о которых завтра никто и не вспомнит. Даже я. Я вспоминал, что скоро переезжаю обратно в общежитие.

* * * *

Общежитие.

За окном бушевала осень. Солнце то выглядывало из-за быстрых туч, то снова в них куталось и от этого освещение мерцало, как от сломанной мигающей дневной лампы.

А по комнате были разбросаны многочисленные пивные бутылки, клубы пыли катались от сквозняка по полу, как перекасти-поле в пустыне, и все вокруг: стены, тумбочки, кровати, стулья, столы, и прочее, хотя и стояло, но выглядело так, будто вот-вот развалится. И это мой дом... Общежитие на выходных было пустым и вселенски пьяным. Сосед по комнате мило дрых на своей койке в противоположном углу после пятничной пьянки. Вчера им было весело, а я, игнорируя их и их громкие посиделки, пытался спать. И у меня даже получалось.

Сейчас я как всегда размышлял. И как всегда размышления, в виду моего прогрессирующего эгоцентризма, не выходило за пределы «о себе». И от этой невозможности постоянно чесался затылок.

Я сидел на своей койке, под окном, из щелей которого постоянно тянуло холодом, из-за чего я никак не мог выздороветь. Хотел заклеить эти щели, но ни лента с утеплителем, ни даже скотч на клее «моменте» не держались из-за отстающей старой краски. И я передумал заклеивать окна. Видимо, не очень-то и хотел. Проще было все время быть простуженным, просквоженным, с ноющими костями спины и кашлем. Наверное, так.

Кругом была такая разруха, что ничего не хотелось делать, кроме как часами пялиться в окно или курить, читая книги.

Сидел я и вспоминал все обо всех, чувствуя себя дедушкой в доме престарелых. Почки ныли также, и мысли были схожие, наверное.

Сначала вспомнил одну девушку, которая в прошлом году вела у нас тренинги по сплочению коллектива в учебной группе. Чуткая такая, мы ее любили. Она нам сильно помогала. Всем и каждому, кто хотел ее помощи. И ассоциировалась она у меня по внешности с коалой. Хотя, если задуматься, не только по внешности... Но, когда первый семестр первого года кончился, все ее позабыли. Вернее, я позабыл, так как за других думать не берусь. Просто никто про нее не говорил, несмотря на все, что она для нас сделала, и для меня лично. Все чувствовали, будто она *своя*. Вся такая своя. Какие упражнения делали мы в группе, как она говорила, все это я помню. Жаль, что так вышло, думал я. Но дальше банального «жаль» мысли и чувства не пошли. Да и что я могу сделать? Вернуть ее? Да, она могла бы вести тренинги по субботам, но... Черта с два! Видимо, для меня, да и, по-видимости, для всех, важнее личное время, нежели опостылевшая группа.

Та же история, что и с заклеивкой окон. И таких историй немало. И вывод пришел как бы сам собой:

Мы говорим «жаль, что так выходит», но ничего не делаем для того, чтобы выходило по-другому.

В этой сермяжной истине заключен вопрос, который никогда не найдет ответа:

Почему? Почему мы всегда находим дурацкие отговорки, говорим, что нам лень, что есть другие дела... в конце концов отвечаем на этот вопрос «почему?» другим вопросом, риторичным: «Зачем?» И внутри нас разворачивается диалог, хотя и не всегда осознаваемый.

– Как «Зачем»? Чтобы не было так жаль!

– Да не так уж сильно и жаль...

– Но ведь можно же сделать лучше!

– Не факт, что будет лучше...

И этот диалог своей бесконечностью заводит нас в тупик.

Однако бывают случаи-исключения, если никакие «зачем?», «лень», «дела поважнее» не могут побороть «Почему?» «Почему бы и нет?», если нам этого действительно хочется.

Так и меня завел в тупик, и мышле-памать мигрировала в другое пространство и время. Куда – уже не помню, так как сразу после воспоминаний, всплыл тот же вывод. Так сказать афоризм моего дня...

Так и вся жизнь. А пока «жаль, что так вышло»...

Дым вылетел изо рта, и его безвозвратно засосало в щель окна. Ну и неважно. Думал о предстоящем дне, наполненным заранее чем-то и кем-то. Мысль о наполненности дня казалась глупейшей из всех, потому что день, как ни старайся – заполнен будет. Спишь ли ты – заполняешь день сном, работаешь ли – работой. Пустота, в конце концов – тоже есть заполнить.

И мысль эта была тише, чем дешевые попсовые песни, что брякали на мобильниках девиц в конце семидесятиметрового коридора. Тише, чем шуршание щетины о воротник джемпера при повороте головы в их сторону. И даже тише, чем свист ветра в бесконечных щелях окон. Тише и бессмысленней.

Я, по своему обычаю, постирал носки, почистил зубы и лег спать в два часа ночи. Как всегда не заботясь о том, в каком состоянии буду завтра, то есть сегодня, проснувшись в семь тридцать.

Кругом царил беспроглядная тьма сонной пустоты, несмотря на сидевших у нашей комнаты пьяных девушек. Они курили, опершись другу на спину и слушали песни, тупее которых я даже ничего не мог представить... что-то вроде «я хочу быть только с тобою», сочиненное людьми, не умеющими выражать своих чувств. Быть может, мне показалось, что вокруг царил тьма, ведь я валился с ног от желания спать, поэтому тьма эта, вероятно, была в моих глазах.

Сегодня, или вчера одна из тех девиц сказала мне ни с того ни с сего, когда я курил у своей комнаты.

– Почему не заходишь ко мне?

– А должен был бы? – Я изобразил ухмылку.

– Ну, посидели бы, чайку попили.

Заходить к ней я и не собирался и поэтому не знал, что ей ответить.

– Может, как-нибудь зайду. – Ничего более подходящего для ухода от ответа на недвусмысленный вопрос я не нашел.

– Ждем, значит.

Мне не понравилась последняя ее реплика, но я ее проигнорировал и пошел по своим делам. Кто она мне, чтобы я к ней заходил и... чаек пил? Нет, я конечно понимаю, она слишком одинока для отсутствия секса, но ничего поделать я не мог. У меня было кого осчастливливать.

Так я поднял одеяло, прямое и шершавое как лист фанеры, лег под него и укрылся, под мысль, точно под песню, о том, что когда-то хотел купить планшет для рисования на компьютере. И это желание почему-то почудилось сродни желанию моего знакомого купить телевизор за тридцать девять тысяч девятьсот девяносто рублей.

Лег и понял, что девицы из коридора мигрировали, вероятно, к себе в комнату. И кроме тьмы все вокруг поплыло невесть куда. И мысли мои стали чуть громче, по сравнению с этой вселенской тишиной. Мерещилось, будто во всем мире кроме сопения носами соседей по комнате и скрипа железной кровати никаких звуков больше просто-напросто не существует.

Мое сознание закатилось куда-то под одеяло, а может даже под простыню, и я провалился в забытье.

* * * *

Я вхожу в помещение складов. Я здесь бываю часто, когда захожу за деталями. Кручу тонкую ручку под потолком. Включается лампа накаливания. Колеблется свет. И меня сопро-

– Я помню, лезь.

Сзади нас валится горящая балка. Я наблюдаю, как Рчедла вылезает в окно, распарывает себе обувь торчащим из подоконника куском стекла, и, не замечая, точно перепархивает на лестницу. На куске стекла остается пенная кровь.

Я прыгаю через огонь и понимаю, что на полу этого этажа не так уж много предметов. Горящие бумаги, палки, куски тряпок, стекла, распластанная от падения кирпичей мебель, полки, детали. Но людей среди этого безумия нет.

Генератор наверху скрипит. Я прыгаю на лестницу вслед за Рчедлой. Она уже стоит внизу, рядом с другими людьми. Я, что же, последний?

Ох, свежий воздух! Я, оказывается, дышал одним угарным газом.

Я опускаюсь на землю и, пошатываясь, дохожу до толпы спасшихся и зевак. Осколки и лохмотья лежат, горят, кажется, на всех улицах в округе.

Вместе мы наблюдаем, как разрывается генератор и длинные струи огня, куски металла, гнутые каркасы, летят по небу, оставляя тяжелый дымный след. Падают, крошатся, создавая много шума. Обглоданный винт вывалился и упал на мостовую, оставив глубокие рытвины в раскрошенном до земли камне.

Я почему-то обнимаю Рчедлу и вытираю свои глаза, пытаюсь избавиться от рези.

Электростанция осталась лишь в трех этажах.

Мост, ведущий от нее, соответственно, рушится. Каждый его кирпич за кирпичом валяется наземь, подпрыгивают, и успокаиваются в каком-либо положении.

Я вздыхаю, отходя от шока, пытаюсь понять, что это было.

Рчедла, вся грязная, как и я, бросается мне в объятия, неизвестно почему.

– Спасибо. – Благодарю я ее.

Мы сидим у меня дома на каштановом диване. За огромным сплошным окном в виде плавного перехода из стены в потолок, за домами, виднеется коптящий столб дыма от нашего генератора. Пожарные тушат ее уже второй час. Всем работникам посоветовали разойтись по домам, отдохнуть и не вмешиваться. Раненых отвезли в госпиталь.

Только что пришла весть о смерти Куражира. Его разможенное, как фарш, тело, нашли под грудой кирпичей от разрушенного моста. Видимо, его похоронил мост, когда он полз по нему к столовой как по единственному спасительному пути (все лестницы внутри станции к тому моменту были снесены взрывом).

Еще одного человека – Брарму, не нашли. Ни его следов, ни одежды не осталось на месте происшествия, хотя он был на третьем этаже, когда произошел взрыв.

Рчедле обработали рану на месте и дали под мою ответственность довести до дому. Но домой она не захотела...

– Мне просто страшно.

– Я понимаю. Я тоже в шоке. Настоящем...

Мы пьем горячий перламутровый чай без сахара, печенья или чего бы там ни было. Я немного успокаиваюсь от его пряного мягкого вкуса.

– Я ведь чувствовал, что винт вращается не так.

– Ни в каких инструктажах, инструкциях, не сказано, что от перегрузки генератор взрывается. Вероятно, причина была не в этом.

– Мне все равно. Генератор теперь, а, следовательно и вся наша работа, люди, исчезли и превратились в груды искореженного металлолома и мяса. Значит, причина неважна. Плевать на причины. – Вздыхаю я, встаю, выдвигаю из стены титан для обогрева помещения и разжигаю под ним огонь. – Прохладно в доме.

Я роюсь в фанерном шкафу, достаю плед в горошек и накрываю Рчедлу.

– Спасибо, – говорит она.

Мы сидим молча и наблюдаем за дымом, как он клубится и кружится по спирали.

Стало темнеть, солнце зашло за тучу на горизонте, а затем и за горизонт. В свету заката дым кажется чем-то фантастическим, похожим на корчащуюся в предсмертной агонии змею, отравленную собственным ядом, только в замедленном виде.

– Я знаю, кто ты. – Неожиданно произносит Рчедла.

«Естественно, я же создатель этого мира», – думаю я, – и вопросительно смотрю ей в глаза. Она морщит лоб и ее глаза шуряются, и она точно со вкусом говорит.

– Ты Человек, Который Хранит Луну.

Я удивляюсь, но зачем-то стараюсь скрыть свое удивление.

– Ты сидишь на ней сверху, и как только она запылится, протираешь ее звездной материей. Очень кропотливо. – Продолжает она, а я улыбаюсь.

– Не сказать, чтобы я был слишком аккуратен. Посмотри вокруг: у меня гости, а повсюду пыль катается клубами и вещи разбросаны повсюду, и...

– Но... – Перебила она меня. – ...ко всему, что касается Луны, ты относишься очень кропотливо.

– Спасибо. А эта Луна – что это?

– Не знаю. Просто все, что я тебе сейчас говорю, приходит точно из космоса. Я не знаю смысла этого, рождается образ, и я говорю.

– Правильно. Смысл – туда же, куда и причины, – я мрачно смеюсь, и мы снова молчим.

– Хочешь еще чаю? – Спрашиваю я.

– Нет пока.

Я жалел об этом и одновременно смеялся над этим.

Вдыхал никотин и запах туалета, обильно пропитанного хлоркой, и вспоминал то, что нас с ним связывало. И это были далеко не пустые дни и часы. Задушевные хмельные разговоры в переулке под аркой полуразрушенного дома рядом с голубятней; сплоченность в незнакомой и опасной деревне; учеба и общие шутки, в конце концов, – все это связывало нас троих: меня, мою девушку и его.

Искать причину я не хотел, потому как она была слишком очевидной, и я медленно готовился к тому, чтобы вечером высказать ему о наблевшем. И знал, что смогу. Но вряд ли он услышит меня. Просто не люблю уходить не попрощавшись.

Но это будет вечером.

А сейчас я приканчивал сигарету.

«Жизнь вообще как сигарета», – помыслил я. Мы начинаем ее, прикуриваем, она начинает дымить. Мы затягиваемся сильно или слабо, с удовольствием или даже не замечая, автоматически; но она кончается, даже если мы делаем всего одну затяжку. Она либо тухнет, либо доходит до фильтра. И рано или поздно мы понимаем, что пришло время выбросить бычок...

Так же было и с жизнью, связанной с электростанцией...

Я пересек коридор поперек из сортира – в комнату, где подряд стояло шесть умывальников. Подошел к ближайшему, достал из кармана штанов зубную пасту и щетку.

Я чистил зубы и неотрывно следил за лежанием скрюченного тюбика пасты на краю умывальника. Как ни старайся, а товар никогда не выглядит так, как показывают его в рекламе. Он вписывается в эту реальность моментально, еще до того, как попадает на прилавки и теряет свой рекламный лоск, приобретая обыденный, серый вид. И мне было жаль этот тюбик пасты. В телевизоре он – звезда. А здесь – тюбик с пастой. Он лежал и нервничал по этому поводу. Может, даже плакал, скрючившись на краю раковины. Я тщательно умылся без мыла и положил его, сиротинушку, вместе со щеткой, обратно в карман. Жаль, что он не чувствует себя нужным. По крайней мере, мне.

День прошел сумбурно. Вечером мы с моей подругой замечательно занялись любовью. Правда, мой пенис оживал долго. Так, что поначалу казалось, что он безнадежен, но потом его трудно было остановить. Подурачились с ней, и я ушел. В общагу я пришел одухотворенным и понял, что мне с ней хорошо. Высказаться другу Зе все-таки не получилось, так как в этот день я его не видел.

* * * *

Солнечный луч медлительно и с трудом вытягивает меня из сна. Я жмурюсь, поворачиваюсь на бок, но заснуть уже не получается. Хотелось помочиться. Я раскрываю веки и вижу, что уткнулся носом в подушку спящей Рчедлы. Мне это даже нравится.

Она спит в моей футболке, широко раскинувшись на разложенном диване. Я же скрючился и лежу почти на самом краю, как Тюбик-Пасты из Большой Реальности. Мы не переспали. Просто я предложил ей остаться. Был поздний час, чтобы идти домой. И я уже не помню, как разложил диван и постелил постель. Помню, что мы молчали, а я опустошил банку лимонада.

Облегчаясь, как обычно это бывает поутру, долго, где-то с минуту, я почти автоматически насвистываю мелодию из Скрябина. Но где-то на седьмой ноте – останавливаюсь, так как вспоминаю, что насвистывал ее незадолго до взрыва.

Подхожу к почтовому ящику, с тяжелым, металлическим скрипом открываю и обнаруживаю две весточки. В Безименни так устроено: люди раскладывают свои послания по четырем ящикам. А утром почтеры их разносят по адресам. Всего таких ящиков по городу – двадцать

восемь. Почтеров должно быть, соответственно, тоже двадцать восемь. Каждый почтер берет на себя одну из четырех частей города. Устаревшая система, но работает нормально.

И обе две весточки не несут в себе жизни. Они из госпиталя:

1) «01:24. Время смерти Сайнтголги Бээс.» – печатным шрифтом медсестры.

2) «Я думаю, что скоро отброшу копыта. Приходите. Палата 24. Бьюфорд», – очень криво и разлаписто. Писал правой рукой. Он левша. Вернее, был им.

Это двое моих коллег, которых ранило взрывом. Сайнтголга была милой женщиной, всегда добро и искренне улыбалась. Была спокойной и мне симпатизировала. Но она теперь в другом мире. Возможно даже, в Большой Реальности ей повезет больше. Хотя, может как раз наоборот: ей повезло, что она умерла? Никто не знает.

Бьюфорд – мне добрый приятель. Он находился на третьем этаже, когда прогремел взрыв. Осколком ему оторвало руку. Будет тяжело еще и его потерять.

Я делаюсь пасмурным и сажусь на диван. Босые ноги упираются в паркет пола, залитого солнцем из огромного окна. Жаль так.

– Ты чего? – Бормочет Рчедла, приподняв голову со смятой подушки. Очевидно, ее тоже разбудило солнце, или предчувствие неладного.

Я молча сую ей в расслабленную руку весточки. Она неохотно и с утренней дрожью сжимает их и подносит к прищуренным глазам, закрывая ими слепящее солнце. Другой рукой выдергивает из под себя подушку, как будто она ей за ночь осточертела. Интересно за ней наблюдать. Она читает, и ее руки снова безвольно брякаются на кровать. Весточки разлетаются, как осенние листья от граблей дворника.

– Сайнтголга была с самого начала обречена.

– Ну да, черепно-мозговая... – она тоже мрачнеет на глазах и поворачивается лицом ко мне, – а мы так легко отделались. Наверное, я должна была быть вместо нее. Я ведь была этажом выше.

– Брось. Как отделались – так отделались. Ничего особого. Извини, что расстроил с утра, – сожалею я и кладу свою руку на ее. Она ее легко сжимает на несколько секунд, а затем отпускает.

– Ничего, я и была не ахти. Но с тобой – как-то спокойно.

Она не первая, кто мне так говорит. Я почему-то устало усмехаюсь.

– Пойдем, навестим, – продолжает она.

– Я приготовлю завтрак.

– Не стоит. Ты сейчас хочешь есть?

– Уже не очень.

– Значит, сходим сначала, потом я – домой. Где у тебя можно почистить зубы?

* * * *

Когда мы заходим в палату, то видим сына, рыдающего у кровати Бьюфорда, лежащего с перевязанным в окровавленные бинты обрубком. Я кладу красный кристалл на тумбочку, что принес в знак нашего визита. Такой же, только чуть больше, уже сжимает в правой руке Бьюфорд. Его принес сын. Рчедла берет из угла два стула и ставит их рядом.

Мы садимся.

– Здравствуйте, – стонет сын, косясь на нас сквозь слезы, и выходит. – Я скоро вернусь.

– Знаете, а мой сын хотел вскоре идти работать на этой станции, – произносит Бьюфорд.

Мы одновременно киваем. Я не знаю, что на это ответить.

– Доктор Кёнсищ говорит, что мои дела плохи. У меня какое-то заболевание на почве травмы... меня напичкали обезболивающим. Но физическая боль меня не волнует. Меня терзает другое. – Он прячет обрубок под простыню, которой сверху укрыт. – Какая ирония!

– До нас дошла весть. Мы пришли... – Также не зная, что сказать, говорит Рчедла.

– ...но не надо трагедии... – Точно не слыша ее, говорит Бьюфорд сухим сиплым голосом, – меня грызет жизнь, что будет продолжаться после моего ухода. Как будто я ревную вас к жизни. – Он кривится, изображая улыбку, – но это так. Меня грызет жизнь.

– Да ты выкарабкаешься, – пытаюсь подбодрить его я.

– Нет. Доктор дал мне сегодня в восемь утра еще шесть часов. Остается два. Но знаете, друзья мои, мои друзья, я не хочу умирать.

Я склоняю голову, рассматривая голубой кафель пола. Только его я не вижу. Мой взгляд останавливается в пяти сантиметрах до него и концентрируется на боли и страданиях, что стелются прозрачной дымкой по нему. Я поднимаю ноги над ним, и он разлетается, как песок, в разные стороны.

– Я не хочу умирать, – повторяет Бьюфорд, – но и жить уже невозможно.

Я не знаю, как передать это, но мне жаль. Нет, не его, а его жизнь. Которая кончается как кино. И вот уже идут титры, а сюжет так и не ясен.

Он вздыхает.

По пересохшим губам Рчедлы видно, что она хочет что-то сказать, но передумывает. Я же молчу и жалею.

– Не беспокойтесь хоть вы. Я оставляю после себя мир таким, каким он был до меня. И за это мне ни сколечко не горестно...

Рчедла сдерживает слезы. Как будто глотает их. И блестящими глазами смотрит в окно, положа руку на правую руку Бьюфорда.

Тихо открывается дверь, и входит, сгорбившись, с каменным лицом, Кёнсищц.

– Думаю, вам пора идти. Сын хочет побыть наедине с отцом.

– Да, сейчас, – вздыхает Рчедла.

– Прощайте. Как будете Там, найдите меня. Я обещаю, вас звать за собой не буду. Берегите жизнь. Она – все, что у вас есть.

– Прощай, Бьюфорд. Все-таки, как говорят, все Там будем. – Обнимает Рчедла его.

– Спасибо за все, дружище. – Хмурюсь я, – спасибо.

Я тоже обнимаю его, он опирается на здоровую руку и привстает. Затем снова плавно ложится на постель, которая становится для него и его смертным одром, и гробом. Ведь хоронят вместе с кроватью, на которой человек умирает. Мы ставим стулья на место и уходим, стараясь не оборачиваться.

Я все же бросаю последний взор на эти стулья. Выглядят они так, будто часть нашей энергетической души все еще остается сидеть на них и прощаться с Бьюфордом. Затем стулья скрываются за доктором и дверным косяком.

Мы останавливаемся. Рчедла обнимает меня и бросается в душераздирающий плач. Я также роняю слезу ей на волосы. И глажу ее по спине.

– У нас все образуется, – говорю я ей и сам с трудом в это верю.

* * * *

Почти всю дорогу до дому мы молчим.

– Не провожай меня, – говорит она, когда мы остановились на перекрестке.

Ковыряя ногой единственный, должно быть, крошащийся камень на этой мостовой, точно школьник, я произношу:

– Увидимся. Знаешь, я хочу тебе кое-что сказать.

– Что? – Она сует руки в карманы на юбке и вопросительно склоняет голову на бок.

– Все, пережившие это, находятся в шоке. К смерти надо относиться естественно. Вот только как... – я смотрю в голубое небо и с шелестом вдыхаю воздух сквозь зубы, – ...я не знаю.

– Смерть – это такая штука. Естественная. Но пока мы живы – чуждая.
Мы прощаемся объятием, скорее напоминающим объятие брата и сестры.

– Спасибо за то, что был рядом.

– Я не был. Я просто – рядом.

И она уходит, ковляя и не оборачиваясь. Я иду по городу, глядя в землю. Впереди меня играют дети. Видимо, в салки, или во что-то подобное, они самозабвенно смеются и убегают друг от друга, дразнясь. Прямо перед моим носом пробегает парень лет четырнадцати. Из его кармана выпадает пластмассовый шарик, он подпрыгивает и я ловлю его. Смотрю вслед парня, но тот уже далеко. Я молча кладу шарик в карман.

Нагрузка на электростанцию возросла в три – четыре раза. Мы всегда считали нижнее, водяное колесо лишь добавочным, но сейчас оно работает на полную. Таким образом, людям нужно ждать по три – четыре дня, чтобы им дали свет на сутки.

Сегодня свет подается району, где располагается мой дом.

Я клацнул выключателем в главной, и единственной комнате моего дома. Лампа накаливания на стене мигала очень бойко, грозя перегореть. И я ее выключил, решив пользоваться электроэнергией лишь в крайних случаях.

В моем доме всегда светло, потому что он похож на хлебницу с отдвижной полукруглой стеклянной дверцей. И, по аналогии, эта дверца – мое окно. Шторы для таких окон трудно подобрать. И поэтому я и раньше редко включал лампу. Не знаю, почему архитектор дома решил так его спроектировать. Но мне этот дом выделило предприятие. Поначалу, раздражало это окно. Потом привык. А сейчас даже радует.

Электричество нужно мне лишь для кнавера¹, для холодильника и для печи.

Я варю лапшу, завариваю перламутровый чай, леплю фрикадельки из фарша странной консистенции (которым торгует близ моего дома худой торговец со странным именем Михаил), и жарю их на огуречном масле.

Получается, вопреки моим ожиданиям, неплохо. Я с аппетитом и без мыслей съедаю порцию. Наливаю кружку чая и сажусь на диван наблюдать за той жизнью, которая хоть как-то, но течет в городе.

Мне становится стыдно, что я сижу в удобном положении и занимаюсь, чем хочется, когда мой друг умирает в больнице. И я не знаю, правильно ли сделал, что не остался с ним до конца. Бьюфорд мне друг. И он умирает. Это свойственно ему. Это свойственно мне. Значит, правильно.

В этом мире все знают о том бессознательном факте, что умирающие ревнуют людей к жизни, и что живые ревнуют умирающих к смерти.

Значит, естественно. Я не забуду Бьюфорда. Он тоже не забудет меня.

* * * *

...Life is too small,
When death takes its toll...
Группа Pain Of Salvation

Я проснулся под будильник на телефоне. Под монотонно-угрюмую вибрацию заиграла песня Shut Up группы Bloodhound Gang, но должной бодрости она мне не придала. Я отсрочил будильник на несколько минут и повернулся на левый бок. В правом боку внизу что-то сильно колело.

¹ Новостной приемник

Я даже не успел заметить, как минуты досыпания прошли и музыка опять заиграла с той же хмурой веселостью, которая точно не из моей жизни звала в меня в мою. А я не шел туда, а оставался здесь, потому что, хорошо или плохо, но я воспринимал ее только как сигнал и ничего более. Боль в правом боку отпустила. Да и боль была – точно не моя, а кого-то, кто лежал рядом. Но рядом не было никого. Я даже огляделся. Значит, все же, моя.

Это был первый день второго семестра. Я был рад, что возвращаюсь снова в ту жизнь, которой мне не хватает. Даже надел новые рубашку и забавный, и в то же время, серьезно-официальный джемпер. Я считал, что он подходит ко мне. Он – это я. Но я, к счастью, – не он. Вот как-то так. В конце концов, вещи – это не то, на что стоит тратить свою жизнь и себя самого, подумал я, вещи – это всего лишь вещи.

Так или иначе, а после пар я оказался с моей подругой в больнице. Я плохо помнил, как лежал в палате, подруга волновалась неподалеку, сидя на тумбочке.

– Ты ведь жив будешь? – Обреченно спросила она.

– Возможно, – ответил я. – От удаления аппендикса никто еще не умирал.

Хотя, я не знал, умирал кто-нибудь или нет. Скорее всего, умирал, как подумал я. Бывает у каждого врача, как и у каждого человека, такой день, когда все валится из рук. Вот так я лежал и думал: «такой день сегодня у моего врача или нет?»

Подруга куда-то ушла. Сказала, скоро вернется. Врач прощупал мой живот и я подписался на удаление червеобразного отростка.

Затем я лежал на операционном столе и замерзал. Из щелей в окнах сифонило по-страшному. Никого не было довольно долгое время. У меня уже заложило нос, и я стал гнусаво петь песню группы POD, чтобы как-то согреться. Пришла сестра и укрыла меня одеялом. Прямо на операционном столе.

Пришел врач. И за анекдотами он подключил меня к бутылке с какой-то жидкостью. Именно так. А не бутылку ко мне. Такое было чувство. Хирургические лампы, как глаза огромной стрекозы заслепили меня. Я даже засмеялся от его анекдотов, а затем мои глаза начали косеть и ими очень трудно и больно стало управлять. Мне даже показалось, что они вращаются в разные стороны. Я решил их закрыть и провалился в бездонную чернь, где был я и маленькие скользкие коврики для душа. Но этого я не помню.

Дальше меня принесли в палату.

Я был рад видеть там мою девушку, когда очнулся. Но когда она села ко мне на койку, стало настолько больно...

– Любимая пришла ко мне... А чего это ты пришла? Слушай, лучше иди, не смотри на меня такого. – Недовольно бормотал я и глядел на нее через ресницы.

Она ушла и, наверное, почти не обиделась. Мой пузырь был полон мочой, а голова – мыслями о жажде. Затем я стал посылать и сестер за то, что они не могли мне помочь помочиться.

Всю ночь после этого мне снились замороженная клубника, вишни, а также сочный арбуз.

Когда отошел немного, вспомнил, как летом, в июле, дома, любил засиживаться допоздна с книжкой или у компьютера. Вернее, даже не допоздна, а до утра.

Спокойно, не торопясь, пил зеленый чай, оставляющий грубый темный налет внутри чашки, и читал или писал. Иногда выходил курить на пустынную улицу. И также спокойно продолжал свое ночное бдение. Дочитывал до логического конца, встречал на улице в тапках, или дома у окна, яркий бархатный рассвет *незаходящего солнца*. С чувством, как будто берег встречает пятиметровую волну, когда все люди бегом сползают с пляжа в предтече удара вселенской убийственной свежести, и замирают, наблюдая, где-то на безопасном расстоянии.

Такие вот чувства у меня вызывал тот рассвет, покрывающий все вокруг грейпфрутовым цветом. Казалось даже, что и вкус у всего вокруг был соответствующим. Затем я зевал, съедал что-нибудь и ложился спать на неопределенный срок.

Теперь же мое захоlustье сплошь покрыто снегом... Да и вместо вечного дня там теперь вечная ночь.

Не существует бессмертных вещей.

Не существует вещественных бессмертий.

А я здесь, в совершенно другом городе, и здесь, казалось бы, совсем другая жизнь... Если бы я не был мной. Здесь мой образ жизни был практически тот же. Курю для мыслей. Мыслю – для того, чтобы курить. Засиживаюсь допоздна. Вот только рассветов еще не встречал.

Сейчас я стоял и курил в больничном сортире на границе между умывальней и кабинкой и глазел в окно, стряхивая пепел в чернющую бездну дыры для слива. Падая, он крутился в воздухе по спирали, прилипал к воде и исчезал в ее мраке.

На улице было даже красиво. Шел тихий снег. А фонари больничного двора превращали его в золотистого цвета творожок. И я понял, откуда рекламщики взяли это сравнение. Меж деревьев уныло звал к себе банкомат. На въезде, рядом с машиной скорой помощи, копошилось несколько человек. Все в черном, кроме одного. Тот был в белом. Что они делали, я не разобрал. Но их было достаточно для того, чтобы убедиться, что там, за окном, жизнь еще идет.

Я вздохнул и впервые за несколько дней почувствовал в душе странно жгущее нечто, заставляющее погружаться в грезы и курить, чувствуя свою беспомощную всепоглощенность бесконечными пустыми коридорами больницы, чьи темные углы в ночи, как черные дыры, засасывающие в себя все, что проходит мимо. И территорию больницы я в своей голове, никак не мог соотнести с той реальностью, в которой я обычно живу.

Я находился в эфемерном мире носилок, кресел-каталок, сквозняков и бесконечных дверей палат и, несмотря на привычный вид за окнами, мимо которого я все время проходил по улице, не обращая никакого внимания, казалось, что кроме этого удушливого и, вместе с тем, крайне свободного (как спичечный коробок с жуком внутри) мира – не существует больше ничего. А доктора, навещающие, в том числе и моя подруга, никуда не уходят, а просто их засасывает в черные дыры темных углов, а утром они освобождаются.

И это чувство было – не только тоской по девушке, каким-никаким, но все же, друзьям и пиву в интеллектуально-мудрственном бреде гуляния; не просто осознание, как же сильно я люблю свою девушку с именем, похожим на блеск золота, отражающего синеву небес.

Это было даже нечто большее.

И намного сильнее.

Это была любовь к моей реальности, какой бы глупой, бессмысленной, или же наоборот, важной и содержательной она ни была. Я рвался в нее всеми линиями моего бессознательного и сознательного.

Это была яркая, но эпизодическая любовь к моей жизни.

* * * *

Мне не спится. Я лежу на диване и пялюсь в звездное небо. Сегодня небо необычайно чистое. Лишь небольшая группа серых облаков кучкуется где-то над домами, там же – край большой луны. Я рассматриваю самое маленькое и мутное созвездие. Никогда не удавалось рассмотреть его как следует. А теперь получается. Четыре звезды образуют крохотный ромб, рядом еще три примостились подряд, а все остальное – какая-то мелкая, едва различимая звездная пыль.

Я закидываю руки за голову и локтем прикрываю луну. Пыль превращается в крошечные точки. Но их композицию я уже разглядеть не могу.

Я долго думаю, какой же я звук только что слышал, прежде чем он повторяется. Это тихий стук в мою дверь. Кого же это могло принести? Я сразу подозреваю, что это Рчедла. Кто еще может прийти так поздно. Не то, чтобы Рчедла приходила ко мне раньше также поздно, просто, действительно, больше идти некому.

– Я спасаюсь от индейцев. – Говорит кто-то шепотом у меня за спиной. Я в растерянности кручу головой, оглядываю все вокруг, даже включаю свет. Но никого не обнаруживаю.

Тем временем в дверь постучали еще раз. Так, будто уже собрались уходить: последний удар точно куда-то провалился, проглотил сам себя.

Я открываю дверь. Сначала я думаю, что надо мной подшутили. Улица совершенно пустынна. Напротив меня – стена другого дома, по которой ползет дикий виноград, окне дома горит свет. Виноград даже не ползет, а висит. Такое чувство, что ему вдруг стало лень ползти, и он обмяк отдохнуть.

– Здравствуй. – Говорит чей-то бас. Откуда-то прямо передо мной. Я сильнее высовываюсь из дверей, смотрю вверх (может кто-то свисает с крыши), а затем вниз, под ноги. У ног моих сидит большая черная птица, очевидно, грач.

– Здравствуй. – Наконец отвечаю я.

– Не заметил, что ли? – спрашивает грач, как будто не спрашивает вовсе, а говорит что-то само собой разумеющееся.

– Да, пожалуй. – Чешу я затылок, – прохожи.

Голос у птицы мягкий, бархатный, низкий, томный и слегка скрипящий. Такое чувство, что грач находится на склоне лет. Но я ошибся. Он влетает в мой дом с бодростью юного и садится на подлокотник дивана. Его лапы мягко цокают о лакированное дерево.

Я сажусь на диван и открываю банку пива. Ключ хлопает в пиво смачно и самозабвенно. Я отхлебываю немного и мы с ним вместе смотрим на бесстрастно мерцающее небо.

– Спасибо, что помог мне выбраться из этого ада.

– Благодарю Рчедлу. – Он некоторое время молчит.

– Вокруг столько смертей, не правда ли?

Грач молча смотрит на меня. Я даже начинаю верить, что он – обычная птица. Только вот взгляд у него человеческий, а может, даже более осознанный, чем у человека.

– Нет, не правда.

Я не понимаю, что он имеет в виду.

– Как так? Ведь умерла Сайнтголга, умирает Бьюфорд. А может, уже умер.

– Вопрос уже в не в этом. А в том, будут ли они *жить* для тебя мертвыми.

– Конечно будут...

– Я не о том. – Как будто читает мои мысли Грач. – *Не принимать смерть* человека или *понимать, что человек умер, но живет* в твоём сердце – совершенно разные вещи.

– Ах, это... – Я делаю большой глоток. – Знаешь, это произошло и всё тут. А я живу дальше.

– Я понимаю. Но пришел я не из-за этого. Я пришел поговорить с тобой о том, что в твоей жизни не так.

– Но в моей жизни все в порядке, – начал было я. – Кроме того, что я теперь безработен и живу на пособие. А так – все в порядке.

– Я имею в виду, в Большой Реальности, не глупи. Ты сразу понял, о чем я.

А я ведь и вправду понял сразу. Я смеюсь и снова глотаю пиво, глядя на небо. Крупный метеор мелькнул где-то высоко на долю секунды и исчез бесследно. Желание я загадать не успел.

– Ладно, ты прав. Похоже, от тебя ничего не утаишь. Да и, наверное, мне незачем утаивать. Да, – киваю я, – мне кажется, там я что-то делаю не так.

– А ты оглядись вокруг. Взгляни на руины электростанции и, возможно, ты поймешь.

Я всерьез задумываюсь над его словами и пью пиво, болтаю банку концентрическими движениями, и допиваю.

– Что же, мне пора.

– Ага, – мотаю головой я и провожаю Грача. Открываю дверь, прощаюсь, и он резво упархивает прочь. Сила, тяжесть и скорость. Потрясает его полет.

Я кидаю пустую банку в урну и сажусь обратно на диван.

Что же он хотел мне этим сказать?

Электростанция не видна отсюда из-за домов. Что же это значит?

Я ложусь снова под одеяло и разглядываю небо. Луна на горизонте выползла чуть правее и выше, загородив собой туманность, которую я рассматривал до появления Грача. Облака в том же месте разошлись в разные стороны. Одни почернели, потому что их перестала подсвечивать луна, и они стали похожи на крадущихся чертей, над другими засветились яркие нимбы и они стали напоминать ангелов, трубящих в трубы. Я лежу и наблюдаю за этим действием. Медленно, но оно все же происходит.

Я предчувствовал беду – она и случилась. Взрыв. Я не умер. Мой круг не закончился и я не стал опять ни Взглядом, ни полностью не исчез из этого мира. Я выжил. Умерли другие люди.

Я пробую переставить местами эти данные и дополнить. Предчувствие – взрыв – балка – Рчедла вытаскивает меня – смерть людей – руины – огонь – улица – дом – смерть людей.

Глупая цепочка, все было не так. Это даже не данные, а последовательность получается какая-то. «А если наоборот?» – мыслю я. Смерть людей – дом – улица – огонь – руины – Рчедла вытаскивает меня – балка – взрыв – смерть людей – предчувствие. Все равно чушь получается. Тут нужно что-то, от чего можно отталкиваться. Начало – середина – конец. Нужна какая-то система. И почему Грач мне так сказал? Неужели не мог мне намекнуть чуть больше...

Я снова слышу стук в дверь. Такой же, как и в прошлый раз. Я гляжу на часы в углу, стрелка указывает на половину первого ночи. Почему всем понадобилось приходиться ко мне сегодня ночью?

Я открываю дверь, ожидая увидеть у ног Грача, но взгляд мой натывается на черные туфли без каблуков. И чуть худые ноги. На одной из них красуется бинт с большим темным пятном от крови, кажущимся в ночи сиреневым.

– Мне не спится, – произносит Рчедла и смотрит не на меня, а куда-то в сторону. Вернее, она сверлит глазами дверной косяк, а боковым зрением смотрит на меня. Я как-то могу сразу это определить.

– Что же, проходи. На небе сегодня показывают бой ангелов с демонами. – Я улыбаюсь ей, скрывая, что я ее совсем не ожидал. Более того, на сегодня я планировал в своей голове спасение от индейцев. Как в школе на уроке физики, ковбой *a* спасается от индейца *b*...

Она проходит, снимает фиолетовый вязаный жакетик и вешает его на один из двух крючков в прихожей.

Я ложусь обратно на диван. Она садится рядом.

– Мне было страшно дома.

Я киваю и смотрю на нее. В лунном свете ее глаза блестят, как мокрые угли.

– В голову все лезли мертвецы. Понимаешь, очень трудно быть дома, когда настолько привык к своему жилищу, работе и погибшим людям, что не мыслишь их по отдельности. Дома такое чувство неуютное, как будто не хватает одной стены, а там, где она должна быть – скалистый обрыв. Очень неприятное чувство.

– Я рад, что ты пришла, – говорю я ей. Она склоняется надо мною. Волосы падают с ее головы мне на лицо, как новогодние гирлянды, разве что, не светятся. У меня возникает желание ее поцеловать. Но я ничего не делаю. А она как будто специально щекочет мне лицо

и смотрит прямо в глаза. В ночной тени люди выглядят намного естественней. Раскрывается их истинная сущность. Я гляжу Рчедла в глаза и вижу высокую траву, колышущуюся на склоне того обрыва, должно быть, про который она говорит. Ночь. Облачно. Вдали, над горизонтом, виднеется желто-красное огниво на тучах – это свет города в них отражается. Но это вдали, а здесь, совсем близко, ветер, то едва коснется пары стебельков, то обхватит всю поляну, колосья и листья травы и вихрем полощет их в своих теплых порывах, точно меж гигантских невидимых пальцев. Такая вот у нее, на мой взгляд, сущность.

Это происходит где-то минуту. Затем она ложится рядом, не снимая туфель.

– Ты похож на кактус.

– Это почему? – удивляюсь я.

– ...диковинный и колючий, —как будто не слыша меня, говорит Рчедла.

– Почему? Это как?

Ангелы на горизонте немного растворились, один бросил трубу и в ошеломлении смотрит на чертей, а другой даже перевернулся на девяносто градусов, как будто улетает вдаль. Тем временем, черти подкрались прямо под луну, а двое из них, кажется, даже накололи ее на вилы и глумятся. Ангелы ретируются и не знают, что делать. Интересно...

Рчедла, видимо, смотрит в то же место, но никакого боя, наверное, там не видит.

– Ну, до тебя дотронуться трудно, понимаешь? Я не буквально, конечно, говорю. Просто ты уж очень заковыристый какой-то... Сам себе на уме.

– Честно говоря, ни разу не видел кактусов самих себе на уме. – Пытаюсь пошутить я.

– ...но это и притягивает.

Я закидываю руки за голову и пробую представить *хранителя луны – кактус*. Получается что-то вроде шарнирного человечка, сплошь в иголках и с кусочком звездной материи в руках.

* * * *

Просыпаясь, в полубреду я вспоминаю детали старого советского мультика, где кто-то протирает звезды тряпочкой очень старательно. То ли ежик, то ли какой-то еще зверь... Подробности вспомнить не удалось. Очень уж такая вещь эта – память, трудная.

Меня выписали из больницы вчера и я жил у своей подруги. «Так будет лучше», – говорила она, а я соглашался.

«Что же имел в виду Грач», – снова задал я себе вопрос. Жалею ли я о разрушении электростанции? Горюю ли? Да. Как только я нахожу себе место в мире, что-то рушится кардинально. В этом-то все и дело. А, если правильнее, в причине этого как раз *все не так*. И эта причина во мне. В каком-то смысле я поспособствовал уничтожению генератора. Я все время даю какой-то толчок, причем вполне сознательно, к разрушению, затем хочу все наладить. Иногда выходит. Но в большинстве случаев, разрушение потом трудно остановить. Как в синергетике, система, достигая пика, рушится. Значит, это я довожу все до пика, что бы то ни было, а затем все валится к черту само по себе...

Индейцы окружили меня, привязывают к столбу, поют победную песню и хотят принести меня в жертву своим непонятным мне богам, а я стою и молю небо помочь мне. Не смиряюсь, не молю о пощаде, а мысленно сверлю небо глазами. «Но это еще не конец», – как в старом анекдоте.

Это еще не конец.

И я могу даже не надеяться, конца не будет. А прерии разряжаются маревом, которое, кажется, ждет от меня чего-то.

И несет, как будто я еду в полупустом автобусе куда – не понятно. Напоминает песню Deftones.

*Hear I lay
still and breathless,
Just like always
Still I want some more.
Mirrors sideways —
Who cares what's behind?
Just like always
Still your passenger...*

Веди быстрее, нажми на газ! А куда едем – неясно. И вся моя свобода заключается лишь в том, чтобы ходить по салону автобуса. В беспомощно замкнутом пространстве... А в углу этого автобуса какие-то люди стоят. Трясаясь, держатся за поручни. Один из них читает книгу, другой, зевая, смотрит на прозрачно-непонятный пейзаж за окном, мелькающий, как кадры черно-белого фильма. Девушка слушает плеер, облокотившись на горизонтальный поручень.

В зеркале на лобовом стекле мелькают глаза водителя. Обычные глаза, неприметные. Посмотришь на них, отвернешься – и тут же забудешь. Глаза, каких миллиарды. Лица не видно.

*Roll the window down.
This cool night air is curios.
Let the whole world look in.
Who cares who sees anything?
I'm your passenger...*

Я открываю окно, этот ночной воздух потрясает своей холодностью и свежестью. А за окном, хотя и есть что-то, но оно либо пролетает – и не заметишь, либо силуэты не разберешь – слишком темно.

Водитель, быстрее! Я уезжаю от себя. Я – твой пассажир.

I'm your passenger...

Don't pull over... This time won't you please... Drive faster!!!

Хотя, песня не совсем о том, да вот только моего положения это не меняет. *I'm your passenger...* И с этим ничего не поделаешь.

Слишком много образов. Слишком мало реальности...

Университет. Шла пара физкультуры, на которой я не появлюсь еще два месяца и двадцать один день. Я бродил вдоль окон, открывавших золотистый вид на заречье. Это был дальний план. А на переднем – два высоких скрученных дерева, какая-то петляющая тропинка между ними, деревянные дома с деревянными заборами.

Я присел на один из стульев. Их списали из актового зала и переместили сюда. Они старые, драные, и запах от них, как от подмышек, об которые долго терли денежную купюру. Не сказать, чтобы я видел такие подмышки, просто такая родилась ассоциация. Затем в голове начала сама по себе придумываться история про олигарха, который долго бегал в фирменной фуфайке от Армани вокруг своих владений, а затем вернулся к себе в кабинет, снял фуфайку и стал с блаженным видом, запыхавшись, натирать подмышки пятисотевровыми купюрами.

Я выбросил этот ядреный бред из головы и продолжил разглядывать пейзаж за окнами, уже с этой позиции. Удивительное дело, подумал я. В левом окне все выглядит живым, летают птицы и колышется береза. Чуть дальше – работает башенный кран. А в правом – все застыло

и стало неподвижным, как мамонт, которого поглотил ледник, а он даже не дожевал свою любимую траву: деревья, птицы (я встал со стула), рядом с оградой университета – автомобиль, кустарники какие-то, – все выглядело как на пластилиновом проекте третьеклассника.

- А это что, Максимка?
- А это дом, в котором мы живем. С Белькой.
- Может, с белкой?
- Нет, с Белькой! Это имя моей собаки.

Окрошка в голове никак не унималась. Приходили в мою голову какие-то невнятные мысли, совершенно без стука, наливали себе чаю и садились ко мне на диван пить его, а затем я их вышвыривал пинком. Но они возвращались. И так – чуть ли не весь день. К вечеру они стали принимать более разумную форму. Мы с девушкой сегодня занялись любовью. После чего я долго испытывал смешанные чувства и спрашивал себя, что это было. Было хорошо. Голова прояснилась, к девушке я стал испытывать большую и трепетную нежность, как у меня бывает после этого. Единственное, сам процесс как-то выскользнул из памяти и исчез где-то в области паха, оставляя внутри меня приятное ощущение пустоты. Приятных «пустот» в мире не так уж много. Секс – путь к одной из них.

Мы лежали в постели и с наслаждением разглядывали потолок, обмениваясь странными репликами, которые нас, впрочем, вполне устраивали.

- Ты когда-нибудь видела Филя Корнера?
- Нет. А кто это?
- Не знаю, забудь. Я не знаю, зачем спросил.
- Тятенька! – Почти выкрикнула она, быстро щупая меня за ребра.
- Кто? Фил Корнер? – Покорчился я от щекотки.
- Нет, ты.
- А что это – Тятенька?

– Ну, я же тебе уже говорила. Это все самое замечательное в мире, это такое... такое славное что-то... такое... Тятенька. Ну это нечто непередаваемое, вроде чувства любви. Нечто необъяснимое до конца и то, что можно объяснять бесконечно. Вот как. – Она, казалось, сама удивлялась тому, как объяснила.

- А... вроде Инь-Ян?
- Да, точно. Вроде того...

Шел двенадцатый час.

Я пытался вспомнить, что такое «тятенька». Сказать по правде, это было не единственное слово, которым она меня называла. Было еще огромное множество коверканных слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами. Тятенька... То ли в «Грозе» у Островского видел это слово, то ли еще где-то. Тятя – это папа. Так, или нет? Так.

«Мне нужно с кем-то поговорить», – стреляло в голове. И даже есть с кем. Проблема есть – а как говорить и что – понятия не имею. Видимо, я слишком сильно увяз в самом себе. Безнадёжно тону в своем болоте все больше и больше. Не то, чтобы я не доверял своей подруге. Просто все равно то, что я хочу сказать, сказать не выйдет. Вот мои ноги все больше и больше уходят в бездонную топь. И я уже по колена. Вот я сейчас сделаю шаг – и утону еще глубже.

А схватиться не за что. Замкнутый круг. *Слишком много образов, слишком мало реальности.*

И что самое досадное, *это еще не конец.*

Хотя, я с уверенностью мог сказать, что образная реальность – тоже реальность.

Я поцеловал подругу и продолжил читать книгу, которую отложил полгода назад, летом.

* * * *

Сражение в небе застыло. То ли ветер утих, то ли на этом история кончилась: черти глумятся над луной, ангелы вконец капитулировали. Остается лежать лишь труба одного из них.

Вечер кажется мне удивительно длинным, но от этого мне только комфортнее. Превозмогая себя, поднимаю голову, гляжу на часы: с момента, как пришла Рчедла, прошло всего полчаса.

Смотрю на Рчедлу. В этот самый момент я понимаю, как хочу ее. Хочу сдернуть с нее блузку, вдохнуть запах ее тела, потереться кончиком носа от одного соска до другого, плавно, ритмично, точно я не человек, а метроном. Легонько обхватить один из них губами, прикоснуться языком, а она закроет глаза, выгнется дугой и застонет. Затем я не стану снимать с нее юбку, а...

Что-то внутри меня останавливает. И я соглашаюсь, что еще рано. Хотя, с одной стороны, вот она, дружище, лежит у тебя в постели – бери ее. Но все же я так не могу. Возможно, я сноб, зануда, но все не так. Атмосфера не для этого. Рано. И я незаметно разочаровываюсь в себе – мне как будто бы нравится, что я себя торможу и ограничиваю. Возможно, когда она шла ко мне – она знала, что что-то будет. И я так сначала думал.

Я повернулся на бок, лицом к ней и продолжил ее разглядывать. На вид ей лет двадцать. Она не красавица, но что-то в ней есть. Я имею в виду, если она чем-то берет, то далеко не красотой, хотя чисто внешне она симпатичная. Она выглядит очень нежно. Гляжу на нее – и впечатление о ней как о травянистом луге – растет. И чем больше гляжу – тем больше мысли теряют всякое значение...

Don't pull over... This time won't you please... Drive faster!!!

Я сегодня не займусь с ней сексом. Нет. Надо остановиться. Не то время...

Моя рука касается крохотной пуговицы на ее блузке. Пуговица маленькая, а петля для нее большая, и в голове рождается беззвучный вопрос: как блузка вообще от этого не расстегивается. Но мои пальцы не без труда расстегивают ее. Парадоксальная блузка. Рчедла не двигается. А я продолжаю расстегивать пуговицу за пуговицей. Их, как мне показалось, много. Я насчитал двенадцать. Двенадцать крохотных пуговок я плавно выпускал из больших петель. Одна за другой они освобождались. И вот теперь я повисаю над ней и мельком смотрю ей в глаза, будто чтобы не спугнуть. На ее лице обнаруживаю слабую улыбку, но этого вполне достаточно, чтобы подбодрить меня. Целую ее в щеку, висок, затем оставляю поцелуй над ее губами. Ее губы автоматически смыкаются в поцелуе, не достигаящем цели, меня. Затем я касаюсь ее губ своими. И, кажется, это даже не поцелуй. Потому что он был так аккуратен и медленен, как состыковка спутника с орбитальной станцией. Иных ассоциаций не появляется.

Я откидываю мысли прочь. Все, кто мне сейчас нужен, всё, что мне сейчас нужно – это она. Я продолжаю целовать ее в маленькую ямку между ключицами, касаюсь пальцами ее шеи, целую там. Она слегка подрагивает, но, кажется, ей это нравится. Далее я убираю полы ее блузки, и на меня с трепетом глядят два розовых соска, каждый из которых я целую. Я глажу ее грудь руками и продолжаю целовать соски. Она, наконец, закрывает глаза.

Затем я прокрадываюсь ниже, целую мягкий живот над пупком. Глажу ноги, стараюсь быть как можно более нежным.

В моих движениях остается присутствовать какая-то судорожная неуклюжесть, как и всегда, когда *данную* девушку ласкаешь впервые. Мне не нравится слово «данную» и я заменяю его на «эту». Эту девушку. Данность предполагает то, что тебе девушку дали, а это уже... Что за чушь у меня в голове. Прекрати думать об этом.

Мало-помалу, слова в голове превращаются в образы – то я вижу Рчедлу в лице изысканной дамы из девятнадцатого века, то еще в каком-либо лице. Это мне теперь нравится больше, и я продолжаю более ласково. Понимаю, что меня тянет снова коснуться ее груди, и я крадусь

поцелуями к ней аккуратно, как кот в кустах – к жертве. Останавливаюсь на секунду у одного из приятно твердых сосков, затем быстро провожу языком по нему, стараясь сделать язык все мягче и мягче. Другой сосок я чуть щипаю губами, а только затем – рисую языком на его границах с кожей груди мокрый слюнявый кружок, аккуратно стираю его теплой рукой, делаю так еще несколько раз и, слыша ее тихий стон, расслабляюсь окончательно. Как будто я таким образом нахожу ключ к самому себе.

И впервые целую ее. Погружая плавно свой язык в ее горячий рот. Ее же язык, вопреки моему ожиданию, не пытается найти путь в мой рот, а сначала гладит по нижним зубам, точно хочет удостовериться в чем-то неведомом мне, а затем соприкасается с моим. Одной рукой я аккуратно стягиваю с себя штаны и осознаю, насколько крепок мой пенис.

Ее рука задевает его и, чуть поколебавшись, обвивает покрепче. Затем медленно отпускает... Почему я делаю то, чему несколько минут назад искренне противился? Не потому, что мне не нравится Рчедла. Напротив, потому что я испытываю слишком сильные чувства к этой женщине. Люблю ли я ее?

Я начисто отбрасываю подобные мысли в сторону и наслаждаюсь процессом. Я ложусь у ее ног и целую ее выше гольфов. Вот бедро, на нем – едва различимый шрам, вероятно, от какого-то лезвия. Шрам старый, получен, как минимум, лет десять назад. Я окончательно залезаю головой под юбку, покрываю поцелуями все и вся. Мое тело трепещет, как крылья бабочки. Я глажу ее по бархатному лобку, тогда как она отводит в сторону сначала одну, а затем и другую ногу. У ее вздохов чуть заметно сменился тон с трепетно-возбужденного на трепетно-просящий. Уж не знаю, как я их различил, но тем не менее, различил-таки.

Я провожу языком – в самую точку, и она кладет руки на мою голову через свою кружевную юбку. Я повторяю это действие несколько раз. Она, кажется, сдерживает свое дыхание, чтобы оно не перешло на стоны. Антракт. В голове звенят колокольчики, и я поднимаюсь к ее лицу, целую ее в шею, чуть приподнимаю ее юбку и обнажаю ее влажный пах. Затем плавно вхожу в нее.

Двигаюсь я плавно, и по спине пробегает приятный холодок от мысли, что я все же успокоился. Сливаясь с ней, я чувствую каждое, даже мало-мальски значимое, движение ее тела. Ее согнутые в коленях ноги то напрягаются, то расслабляются. Она откидывает голову назад. Мышцы спины периодически напрягаются. И каждое место на ее теле, которое я чувствую, я обхватываю рукой.

Затем меня с головой накрывает ощущение, будто я являюсь половинной частью чего-то большего, которому я целиком и полностью принадлежу. Рчедла судорожно с силой обхватывает мою спину, не в состоянии оттянуть на попозже свой финал и кричит так пронзительно, что рождается новое ощущение, что в комнате разражается молния и попадает в нас двоих. И даже не одна, а сразу несколько молний. Гремит гром, чуть стихает постепенно и неуловимо. Выпуская в Рчедлу всего себя, я понимаю, что она тоже ощущает все то же, что и я. Последние рефлекторные сокращения усталых мышц... Затишье после грома... и в душе будто льет освежающий и бодрящий дождь. Я выхожу из Рчедлы и, обнявшись, мы еще долго лежим молча, расслабляясь и, порция за порцией, выпуская разбушевавшийся внутри нас воздух.

Я удивляюсь бреду, который только что лез мне в голову.

Черти с неба под луной все еще на своем месте, которое отвоевали у ангелов, только теперь они, кажется, от скуки, что не придется никого колоть, сидят вокруг луны и жарят сосиски. И теперь эти черти выглядят невероятно, вселенски беспомощными и грустными. Думаю, на этом небесной истории – конец. Я даже хочу подвести этой истории какую-то мораль, но...

В эйфории, я гляжу Рчедле в невероятно распахнутые глаза, в уголках которых блестит по одной луне. Кажется, она что-то хочет мне сказать, но молча дожидается возможности.

Думаю, слова типа «это было лучшее в моей жизни», или что бы там ни было – настолько глупы, что, кажется, я никогда не смогу подобрать что-либо из их бесконечной безнадежной замкнутости. Молчание, вроде бы, чем-то нужно заполнить... но сердцем осознаю, что это молчание заполняется самим собой и не нуждается в заполнении. Мы смотрим друг другу в глаза, и мне в голову приходит размышление о том, сколько же в мире бессмысленных и неуместных слов и вещей, но все же, они действительно существуют во всем этом мировом безобразии ради самих себя. А я продолжаю молчать, так и не подобрав слов.

– Я чувствовала все, – внезапно и с улыбкой говорит она, не отрывая от меня взгляда. Сейчас она кажется действительно красивой, хотя по своей природе является просто симпатичной, и не более. Сейчас же она... она... будто преобразилась. Большинство людей преобразается после секса.

И я вновь, уже как бы по привычке, свожу все к тому, что люди преобразуются в сторону своей натуральности. Вот теперь она прекрасна... – повторяю про себя.

– Как это? – спрашиваю я.

– Мне хорошо. Я чувствовала всего тебя и поняла, что ты действительно запутался в жизни.

– Я не понимаю, как это можно ощутить?

– Да это уже неважно. Это твой мир, ведь так? – спрашивает Рчедла.

– Ну да, – чуть задумавшись, отвечаю я.

– Просто я подумала, что я могу открыть тебе кое-что, чего ты не знаешь, здесь, в этом мире. Пойдем?

– Это, конечно, прекрасно, – игриво склоняюсь над ней я, глядя ее бархатные плечи, – но давай утром. Я сейчас не намерен никуда идти. Давай лучше поваляемся чуть-чуть, а потом съедем что-нибудь?

– Давай. – Она вдруг улыбается еще шире и, кажется, я начинаю падать в ее глаза.

– А ты замечательный антидепрессант! – Улыбаясь, говорю я, – знаешь, ты сейчас просто прекрасна. Тебе говорил это кто-нибудь?

– Нет.

– Так вот знай, – я снова устремляюсь взглядом на луну, ползущую все выше и выше. В квартире теперь так светло, что можно хоть газету читать.

– Сейчас?

– Что?

– Ты сказал – *сейчас прекрасна*, а вообще?

– Тебе действительно важно это знать?

– Не то, чтобы очень.

– Вообще – довольно симпатичная, а сейчас – прекрасная. Понимаешь?

– Да. Только ты не думай, мне не обидно. Просто адекватизирую свое восприятие. Что-то вроде поиска обуви нужных размеров...

– Ясно.

Счастье ли это? Не знаю, но, по крайней мере, нечто свежо-необычное. Иной характеристики не подберешь. Так уж устроен мир: мужчина – опустошается, а женщина – наполняется. Главное, что обоим хорошо, а уж форма проявления этого «хорошо» остается всего лишь формой... Содержание – каким бы оно ни было – остается содержанием.

Секс – это просто секс, а уж каким содержанием я его наполняю – это уж как мне больше нравится... лишь бы это содержание не сильно расходилось с этим содержанием у партнера. Следовательно, чем меньше содержания... Бред какой-то. И почему же я все время ищу смысл, думаю я, играя с гирляндами на голове у Рчедлы. Какого лешего меня все время тянет на объяснение всего и вся? Вряд ли это природа человека. Скорее моя...

Я сильно зажмуриваю глаза и обещаю себе до утра ни о чем таком не думать.

* * * *

Я проснулся в десять часов, чувствуя себя двустворчатым моллюском, в которого непонятно зачем засунули песчинку, а он пытается ее выгнать, облепливая песчинку тут же каменеющей слюной. «Зато будет жемчуг», – подумал я. Разлепив глаза, я начал читать книгу, затем перелез через спящую подругу, от вида которой хотелось зевать (очень уж крепко она спала), пошел на кухню, сварил кофе и наделал кривых бутербродов, почему-то полагая, что к концу приготовления она должна проснуться. Но она спала еще час, а я сидел и пил кофе сам, глядя в окно на заснеженный мир. «Как же этот снег, все-таки, ложится, – подумал я, – на каждую мало-мальски значимую веточку». И тут же эта мысль мне показалась заменой какой-то другой, которую я не осмелился подумать. Что-то вроде, «Здесь могла бы быть ваша реклама»...

Днем мы пошли в парк, постреляли в тире, съели по порции блинов в полном молчании. Я наблюдал за ребенком за соседним столом: он просил коньяк у родителей, а они ему сунули полтинник в руку и посоветовали лучше покататься на вон той карусели.

Мою подругу все кардинально не устраивало непонятно почему.

Когда мы закончили с блинами, то пошли по аллее рядом с прудом. Я остановился, щелкнул зажигалкой и закурил, разглядывая дугообразный мост недалеко от нас. Сейчас с одной стороны по нему бежала черная бродячая собака, а с другой под зонтом, защищаясь от мокрого снега, шла пара молодоженов и еще толпа родственников и фотографов за ними. Невеста, как и полагается, в белом платье, была какой-то неестественной, не из этого мира. Уж очень она сильно волочила ноги, наверное, из-за тяжести платья.

– Сейчас повесят замок на мост. – Сказал я.

– Ага... этих замков уже столько, что скоро мост рухнет. – Ответила подруга, опираясь на меня.

– Не рухнет, он металлический, – я сделал затяжку. – Вон, какая толпень ради этих двоих собралась.

– Я хочу замуж.

– А я пока не хочу жениться. Ясно все итак – рано.

– Ты не хочешь? – Спросила она шокировано и сразу отдалилась на метр от меня, будто я сказал ей что не люблю ее. Вероятно, для нее эти фразы равнялись друг другу.

– Нет, конечно. Сама посуди, рано. У нас за душой ни гроша, да и живем мы вместе только по выходным.

– А... ну да, мне, видимо, слышалось что-то не то.

Я не понял, к чему все это было, но промолчал.

– Почему мы здесь стоим? Пойдем уже. – Возмутилась она.

– Я курю и смотрю на мост...

– А мне нельзя стоять, у меня ноги промокли. Наверное, сапоги старые уже, расклеиваются. К тому же я не вижу смысла, чтобы здесь стоять.

– Скоро пойдем. Ты спешишь куда-то? – Я хотел ей рассказать, что я чувствую, глядя с непривычного ракурса на мост, на котором когда-то мы с ней впервые поцеловались. Было такое чувство, что я видел нас там, в вечернем сумраке, освещенных фонарями и сплетшихся языками... Как это было свежо, такое чувство, будто я всю жизнь ждал того поцелуя, как будто...

– Мне надоело здесь стоять. Пойдем дальше.

Но вместо этого я чуть сорвался.

– Послушай, в чем дело? – не выдержал я.

– Я не понимаю, что ты здесь, рыбу ловишь, что ли? Давай докуривай и пойдем.

Я бросил бычок в то место, где летом был пруд и с безысходностью в голосе ответил.

– Пойдем, пойдем.

Вечером, когда мы смотрели на DVD-плеере кино, я сказал, что хочу ее. Она долго и назойливо объясняла мне, что сегодня не может. Я говорил, что все понимаю. Потом, уже не помню, с чего все началось, я сказал ей, что мне все равно. А она, тоже не понятно почему, назвала меня дрянью. Мне кажется, я как-то не так себя вел. Это точно. Но как именно «не так» – понятия не имел. Просто так чувствовал, и всё.

Я досматривал фильм с мыслью о том, что я дрянь, я читал книгу с мыслью о том, что я дрянь... притом, мне было не совсем понятно значение этого слова. В отличие от случая, когда надо мной иронизировали, говоря, что я слишком доверчив, (когда я подумал, доверчив, значит, доверяю людям – и принял замечание) слово «дрянь» звучало как-то странно и неопределенно.

Я доел пельмени с мыслью об этом.

– Я – дрянь... ну и пусть. Если на то пошло, то я прожил восемнадцать лет дрянью, проживу еще больше. Что же с того? Если я раньше этого не замечал, то почему же я должен замечать это сейчас? Я вздохнул, повернулся к стене, и почувствовал, как проваливаюсь из мира в сон сквозь какое-то скопление метафизических систем, взаимодействующих друг с другом посредством астральных программ глобального разума материально-энергетического Теоса...

* * * *

– Это точно оно? – спрашиваю я.

– Да. Вообще-то, сначала сыр был другим, когда его в первый раз сделали.

– Каким?

– Ну, он недалеко был от творога.

– А... а ты много знаешь. – Удивляюсь я.

– Пожалуй, это знают все. Только ты не знаешь. И как ты еще умудрился стать Создателем! – подшучивает она надо мной. Я смеюсь вместе с ней и добавляю: «это уж точно».

Мы завтракаем. Уже одиннадцать часов. Солнце у нас над головами то застилается одеялом из туч, то обнажается, пошло слепя глаза. На улице за стеклянной стеной не очень много народу. Лишь отряд черных монахов, укутавшись в рясы с головой, сгорбившись, косяком рыб мигрирует с юга на север, а с севера на юг – кузнец с механиком в новых чистых фартуках топают, усиленно размахивая руками, видимо, о чем-то споря. «У меня белей фартук!.. Нет, у меня!» – представляется мне.

– Наверное, нужно сходить на работу, – как бы невзначай произношу я. – Узнать, как там дела и что мы можем предложить им.

У меня появляется ощущение, что Рчедла поперхнулась: ее глаза стали мокрыми, и она кашляет, сжав в руке бутерброд с сыром.

– Я не могу пока, – откашлявшись, сдавленно говорит она, будто не своим голосом.

– Почему?

Она доедает несчастный мятый бутерброд, отхлебывает чай и вытирает руки о салфетку.

– Потому что не могу. – Она не смотрит на меня. – Сложно для меня будет туда вернуться. У меня такое чувство, что во мне что-то сломалось с тем взрывом, как будто меня – кляц! – и переключили на другую меня. Понимаешь?

– Как же я тебя понимаю, – заулыбался я, допивая свое шоко-раско². – Не пойдем, значит, пока что.

– Так ты хочешь, чтобы я показала тебе кое-что, о чем ты не знаешь?

– Ну да.

² Напиток из крепкого кофе, зеленого чая, базилика, шоколада и миндальной крошки.

– А есть ли в этом мире вещи, смысла которых ты не знаешь?

Я глубоко задумываюсь, где-то на минуту, ища таковые.

– Да, есть. Вот, к примеру, я не знаю, что это были за монахи, куда они пошли и чем занимаются.

– Это были не монахи. А наемные воры.

– Целый отряд? Так если о них все знают, почему же они разгуливают просто так? Их же можно поймать и арестовать, или...

– Эти воры наняты городом, чтобы они воровали у людей извне.

Я гляжу на дно своей пустой чашки. Там из шоколадной гущи явно просматривался ослик с двумя амфорами на боках. И я думаю, что мне не понять всего того, что говорит Рчедла. Может, пойму позже. Солнце, пожалуй, слишком сильно печет голову и делает мой дом парником, поэтому я не в силах что-либо понимать.

– А... ясно. – Отвечаю я и открываю форточку. Меня тут же пронизывает сквозняк и улетает под входную дверь.

– Но я не об этом. Я говорю о том, что как бы ты хорошо не прорисовывал этот мир, все равно останется то, что ты дорисовывать не захочешь. Ну, или, пока не захочешь. Ты уникален. Понимаешь меня?

– Вполне. Я весь внимание. Что такого особенного во мне? Я простой скромный создатель мира, каких множество.

– Да, и не случайно – создатель именно этого мира. И, значит, у тебя есть куда копать. Ладно, долго не буду распространяться. Я всего лишь говорю о люке.

Мне кажется, что я ослышался. Рчедла, очевидно, замечает мое замешательство и поясняет.

– Люк, что у тебя под ковриком. Что там?

– Какие-то банки и плесень, оставшиеся от прежних хозяев. Я видел этот погреб лишь один раз.

– Вот именно.

Я не вполне хорошо понимаю ее логику, но все же встаю, убираю коврик и кидаю его к двери. Тот, скомкавшись, ложиться и, такое чувство, наблюдает за моими действиями, как и Рчедла, допивая чай. Почему-то в этот момент мне кажется, что вся Вселенная вместе с палящим солнцем смотрят на меня одинаково. Сперва на меня, затем – на люк. На меня – на люк. «Хотя, кто я такой, чтобы Вселенная за мной наблюдала», – усмехаюсь я. Но от смеха меня это чувство не покидает. За мной действительно кто-то еще наблюдает, кроме Рчедлы. Я осматриваюсь вокруг и даже, не отходя от люка, заглядываю под диван, но никого и ничего не обнаруживаю.

Я пытаюсь об этом не думать и смотрю на люк. Обычный квадрат, вырезанный в деревянном полу, с металлическим кольцом-ручкой. Я берусь за него. Тяну. Он, к моему удивлению, не издает не скрипа и шмякается, подпрыгнув, о пол. Некоторое время я вглядываюсь в пустоту. Совершенно обычная пустота. Я спускаюсь по чуть гнилой деревянной лестнице, хрустя ступеньками. Встаю и бессистемно ощупываю холодную сырую тьму взглядом, слышу сзади чирканье спичкой и резко оборачиваюсь. Рчедла зажигает фонарь, передает его мне.

Я продолжаю осматривать подвал. Ничего необычного. По углам – густая плесень или паутина – не разберешь. На полках – несколько пустых пыльных склянок. В одной из них – залепленная черной плесенью открытая банка с высохшими овощами, которые, видимо, когда-то были засолены. На полу – окаменелые крысиные экскременты, их не так много, примерно, по одному на квадратный метр. Археологом я себя почти не ощущаю, как это бывает при подобном рассмотрении.

– Абсолютно обычный подвал, – говорю я и замечаю в углу, за полкой, еще один люк. Ставлю фонарь рядом и распаиваю его, цепляя кольцо за крючок на стене. Чернота. Я све-

шиваю фонарь вниз, пытаюсь разглядеть что-либо, но вижу только облака пыли, которые чуть вздрагивают от фонаря и начинают двигаться. Рчедла перевешивается через меня и смотрит туда же.

Через секунду вся пыль начинает куда-то ретироваться и на ее месте остается пустота. Грандиозно черная пустота, какая бывает в шахте лифта, только в отличие от нее, эта – даже не имеет ни тросов, ни проводов, ни, казалось, стен.

– Ты имела в виду этот *космос*? – спрашиваю я.

– Почему ты называешь это космосом?

– Не знаю. Так мне кажется. – Я достаю из кармана пластмассовый шарик и отпускаю его.

Пространство проглатывает его, даже не прожевав. Мы молча прислушиваемся и ждем удара о какой-нибудь пол, но его нет. У меня даже рождается чувство, что если я свалюсь вниз, то беспомощно повисну в невесомости.

– Мне это не нравится, – шепчу я.

– А мне – нравится, – спокойно говорит Рчедла, – закрывай.

Я вынимаю оттуда фонарь, и пустота становится еще более монолитной, закрываю этот люк, мы выбираемся из погреба, Рчедла закрывает люк снаружи. В доме солнце все жарит и жарит, и, будь стекло двойным, все бы уже сгорело. Днем от такой архитектуры дом только хуже. Не удивительно, что прежние хозяева его оставили.

Я достаю из холодильника две банки пива. Мы разваливаемся на диване и молча пьем его. Рчедла кладет голову мне на плечо и поднимает только, когда отхлебывает пиво. Мы сидим так долгое время.

– Знаешь, тут недалеко есть СПЗ. Можем устроиться туда.

Я не сразу понимаю, что это аббревиатура и переспрашиваю.

– Это еще что такое?

– Это первые буквы. Солеперерабатывающий завод. Огромная такая махина, оглобля.

– Я не думаю, что нам стоит пока уходить с нашей работы.

– Но ведь наши вакансии уничтожены.

– Все равно. Пока я не схожу туда, не узнаю, что к чему, я не буду предпринимать никаких попыток устроиться в другое место. Если хочешь, я пойду один. За одно, про тебя спрошу, – говорю я, как мне кажется, несколько грубовато.

Рчедла несколько секунд молчит, а затем достает из нагрудного кармана своей блузки, которую я вчера так кропотливо расстегивал, конверт, и передает его мне.

– Ладно, я пока не вернусь туда. Я проверяла почту утром.

Я открываю конверт. И вижу послание от директора нашей станции с одним единственным словом, дата сегодняшняя. «Приходите».

– Тем более, надо сходить. Тебе наверняка такая же пришла, – говорю я.

Допив пиво, я разглядываю в маленькое отверстие дно банки. Там всегда остается с пол чайной ложки пива, и оно, как ни старайся, там и останется. Так уж устроены банки. Я начинаю одеваться.

Рчедла тоже собирается.

– Я домой пойду. Дела есть. Я тебе напишу, или приду к тебе вечером.

– Буду рад тебе.

Мы прощаемся у порога, когда я закрываю дверь на ключ. Она обнимает меня.

– Мне хорошо с тобой. – Шепчет она и, кажется, хочет сказать что-то еще, ищет слова, но в итоге просто чмокает, и уходит, будто бы летя. А я остаюсь запираю дверь в компании дикого винограда у меня за спиной. Заперев, иду в противоположную сторону, к станции.

На улице оказывается не так жарко, как я предполагал, сидя в домашней парилке. Холодный ветерок в сочетании с ярким солнцем ложится на душу приятным осадком. Я иду и наслаждаюсь жизнью. «День не предвещает ничего плохого, – думаю я, – и настроение из хорошего»

превращается почти в состояние счастья». Я иду и чувствую себя придурком, но придурком счастливым. И это чудесно.

Весна #1

*Сумев отгородиться от людей,
Я от себя хочу отгородиться.
Не изгородь из тесанных жердей,
а зеркало тут больше пригодится...*

И. Бродский

«Вот, – думал я, просыпаясь. – Прошло довольно много времени. Ровно одна зима, ни больше, ни меньше». За это время окно в моей комнате в общежитии заклеилось, хотя из невидимых щелей все равно сквозило по-страшному.

Странно все это вспоминать. И новый год, который мы с подругой неплохо справили вдвоем, и все остальное связанное с зимой казалось безнадежно далеким. Наверное, потому что я так уж привык жить: каждый день живу как будто заново. Просыпаюсь, иду в универ, курю, размышляю, читаю художественную литературу, бездельничаю, валяюсь с подругой на кровати, пью кофе, смотрю с ней телевизор, пью пиво, иногда встречаемся с наполовину друзьями, наполовину знакомыми. И каждый новый день я жил, совершенно не думая о том, что я как-то слишком схоже поступаю по сравнению с предыдущим днем, и меня это более чем устраивало. Несмотря ни на что, мне нравилось проводить одинаковые дни. Ведь я мало задумывался об их одинаковости. Быть может, в силу разнообразности, что находилась у меня внутри...

Что еще можно сказать про зиму с 2008 по 2009? Разве что, на улицах города было холодно, в общежитии – тепло, но постоянно откуда-то сквозило леденящим тело морозом. У подружки – просто тепло. А в душе был океан.

Впрочем, сейчас еще пока мало что изменилось... Я проснулся как всегда раньше подружки. Это было часов в десять. Почему-то очень хотелось пива, прямо с утра. Но я переборол это подозрительное желание, почитал немного книгу про шизофреников, и сон снова настиг меня в полдвенадцатого. Я отложил книгу на деревянную ручку дивана справа от меня и отключился, как робот, выполнивший миссию. А ведь интересно, когда роботы выполняют свою миссию, они тоже отключаются?

Этот вопрос мучил меня совсем недолго. Уже через минуту я снова плавал где-то в пустоте всепоглощающей черной дыры сна. Мне приснился мой одноклассник, тот, что жил со мной в профилактории, которого несколько позже мы прозовем Разведчиком.

В моем сне он сидел за партой и высказывался по какому-то поводу преподавателю:

– Как Андрей уже рассказывал нам: плохие дисциплинарии... – указательным пальцем он проткнул воздух над собой, – могут стать причиной посредственности.

Я проснулся вновь. Открыл глаза. Телом было очень трудно управлять и мои зрачки беспорядочно шарили по комнате, словно ища за что зацепиться и тем самым помочь мне встать. Поэтому они у меня шныряли повсюду, как сумасшедшие. Я постарался сосредоточиться на люстре, но глаза косели еще больше, и я вынужден был их закрыть. Зажмурился, открыл снова. Несмотря на подружку, спящую рядом раскинувшись, чьи-то черные ноги мяли постель вокруг меня. И даже один раз наступили мне на грудь. Я попытался закричать, но вместо этого услышал лишь слабый стон, хотя на него у меня уходил весь вздох. Ноги ходили неосторожно и, похоже, кроме них, больше ничего человеческого в них не наблюдалось: черные ноги постепенно растворялись в воздухе на уровне колен. У меня появилась мысль, что мама подружки решила повесить картинку, пока мы спим, над кроватью, и поэтому мнет кровать, заставляя мое тело кочевать от одной ее ноги к другой, но только мама эта слишком была

сосредоточена в носках... «Очень странно», – подумал я и попытался перевернуться на бок. У меня ничего снова не вышло. Очень трудно было переворачиваться. Я вкладывал в одно движение все силы, но продвигался лишь на сантиметр. Затем сдался, и расслабился. Не понимая, что со мной происходит, я застонал и проснулся от страха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.